

«Русалка плыла по реке голубой...» М.Ю. Лермонтов

№ 4
(75)
2017

Ж У Р Н А Л

Э Т О В

Д О О С

Д
Е
В
Ы

В
О
Д

Рисунок Андрея Врадия

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

РУСАЛИИ

Мистерии Русалий – женский вариант праздника Ивана Купалы – несомненно связаны с наименованием руссов. Культ русалок восходит и к зороастрийской Деве, беременеющей от Рыбы, и к скифской Деве-Змее, дожившей до наших дней в образах Царевны-лягушки – Василисы Прекрасной и Василисы Премудрой. Ну и Царевна Лебедь – Лыбедь – из той же оперы. В этих метафорах абсолютно достоверные знания о нашем генетическом родстве с морскими и речными обитателями. Историческая и биологическая память оживлялась ежегодно в Русалиях. Нагие девушки, забеременевшие в воде во время русальных мистерий, почитались, как весталки в Древнем Риме. Дети русальных ночей считались магами и колдунами, ну и, конечно, поэтами. На своё сакральное происхождение намекает Сергей Есенин

(«внук купальской ночи»). На небе праматерь всех русалок – созвездие Волосы Вероники, оно сияет над небесной рекой Эридан. Человечество не может расстаться с очаровательными русалками в образе девушек, утопившихся от несчастной любви. Вспомним «Русалку» Пушкина и Даргомыжского. Да и Офелия Шекспира плетет русалочьи венки из магических цветов и трав. Она и в воду падает, потянувшись за веткой ивы. Ивовые венки плели и русские девы вод. Да и Бедная Лиза, утопившаяся в пруду возле Новодевичьего монастыря, не стала бы столь известной, популярной и знаменитой, если бы не архетип девы вод – русалки, живущий в памяти каждого русского.

Константин Кедров
главный редактор

Константин Кедров,
Ник.Грицанчук
«Русалочий омут»
(монотипия), 2013 г.

С русалками плавали

Алматы, Великие Луки, Всеволожск, Галле, Дублин, Екатеринбург, Зеленоградск, Киев, Киров, Краснодар, Красноярск, Кыштым, Лондон, Магнитогорск, Москва, Нижневартовск, Нью-Йорк, Новополюк, Париж, Подольск, Полоцк, Прага, Санкт-Петербург, Симферополь, Синьян, Смоленск, Ташкент, Улан-Удэ, Харьков, Челябинск

2. Константин Кедров
3. Елена Кацуба
А.П.Ксендзов
4. Маргарита Аль
5. Галина Свинцова
Эдуард Трескин
6-7-8-9. Михаил Шемякин
Виктор Мануйлов
Александр Князев
10. Владимир Монахов
Амарсана Улзытуев
Владимир Шемшученко
11. Елена Краснощекова
Александр Раткевич
Елена Тугучёва
Виктор Коллегорский
12-13-14. Светлана Василенко
Виктор Гопле
15. Елена Краснощекова
Эва Касански
Алексей Чуланский
16. Сергей Бирюков
Валерия Нарбикова
17. Марина Александрова
Александр Федулов
Ольга Реймова
Павел Маркин (Ёж)
18. Анатолий Кудрявицкий
Наталья Шахназарова
19. Янис Грантс
Сергей Ивкин
Кристина Зейтуния-Белоус

20. Наталья Лясковская
Нина Александрова
Кристина Зейтуния-Белоус
21. Александр Карпенко
Наталья Карпичева
Михаил Горбунов
22. Ирина Силецкая
Ольга Панюшкина
Илья Лируж
23. Ольга Ильницкая
Кристина Зейтуния-Белоус
Юлия Пономаренко
24. Кристина Зейтуния-Белоус
Ольга Журавлева
Вячеслав Куприянов
25. Любовь Красавина
Дмитрий Панчук
26-27. Николай Ерёмин
Евгений Лесин
28. Света Литвак
Владимир Павлов
Марат Куприянов
29. Валерий Батрушевич
Елена Асланова
Сардор Азизов
Валерий Силиванов
30-31. Ирина Егорова
Александра Окатова
Алла Бакланова
Андрей Коровин
32-33. Валерий Петков
Евгений Степанов
Алла Ивашина
34. Сергей Тимшин
Бахытжан Канапьянов

35. Дарьяна Лемтюжникова
Ян Пробштейн
36. Лидия Григорьева
Андрей Врадий
37. Марина Тарасова
Алиса Клио
38-39. Виталий Кальпиди
40. Татьяна Зоммер
Александр Петрушкин
Хэ Суншань
41. Екатерина Деришева
Аглая Соловьева
Леся Тышковская
42. Анна Гедымин
Ирина Ежова
Владимир Миодушевский
Александр Карпенко
Татьяна Лапко
43. Александр Князев
Сергей Мнацаканян
Алла Ивашина
44. Галина Мальцева
Вера Суханова
Рената Андреева
45. Валерий Сосновский
Кристина Зейтуния-Белоус
46. Аркадий Перенов
Александр Моцар
Елена Коро
47. Томас Лавелл Беддоуз
Уильям Батлер Йейтс
Ян Пробштейн
Иоганнес Боровский
Вячеслав Куприянов
Сергей Хориков

Рисунок Кристины Зейтуния-Белоус (Париж)

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

РУССО И РУСАЛКИ

Руссо гуляя по Версалью
Кричал русалкам: Салю! Салю! –
– Салют! Салют! – кричит король
Король играет свою роль

Ну а Руссо в кустах с Русалками
Играет в шахматы но пашками
Фантазия неисчерпаема
Играет пашками в Чапаева

Русалки с листьями по поясу
Играют шахматами топлес
Руссо прижавшись к королю
Кричит: Пардон – не оголю –

Король доволен и придворные
Русалки плещутся довольные
На них никто не покушается
Раздвинуть листья не решаются

СЕРДИТАЯ РУСАЛКА

Плывет сердитая русалка
Хвостом разбрасывая высь
Плывет сердитая русалка
Нырять вглубь ныряя ввысь
Сосками упираясь в звезды
Врезаясь лоном в глубину
Губами жадно ловит воздух
И погружается в луну

КРЕЩЕНИЕ РУСАЛКИ

Нырять вглубь всплывая вверх
Крещу себя в луне
Я утопилась – этот грех
Не по моей вине
Я утопилась не сама
Любовь свела меня с ума
Бог окрестил Луну в пруду
Теперь она крещёная
А я в купель луны войду
Русалочка прощёная

2 июля 2017

***

С русалками нужно нежнее
Они ведь не могут ходить
А стало быть нежится с нею
На спинке и рядышком плыть

С русалкой играючи в салки
Плавнее в объятиях будь
И если обнимешь русалку
Целуй её в губы и грудь

Почувствовав трепет подводный
Под воду нырять не спеши
Останься воздушный и звёздный
Как тело в объятиях души

Пусть даже ей всё не сказал ты
В стихии ведь как в соцсети
Будь нежен с уплывшей русалкой
И вовремя в глубь отпусти

17 октября 2016

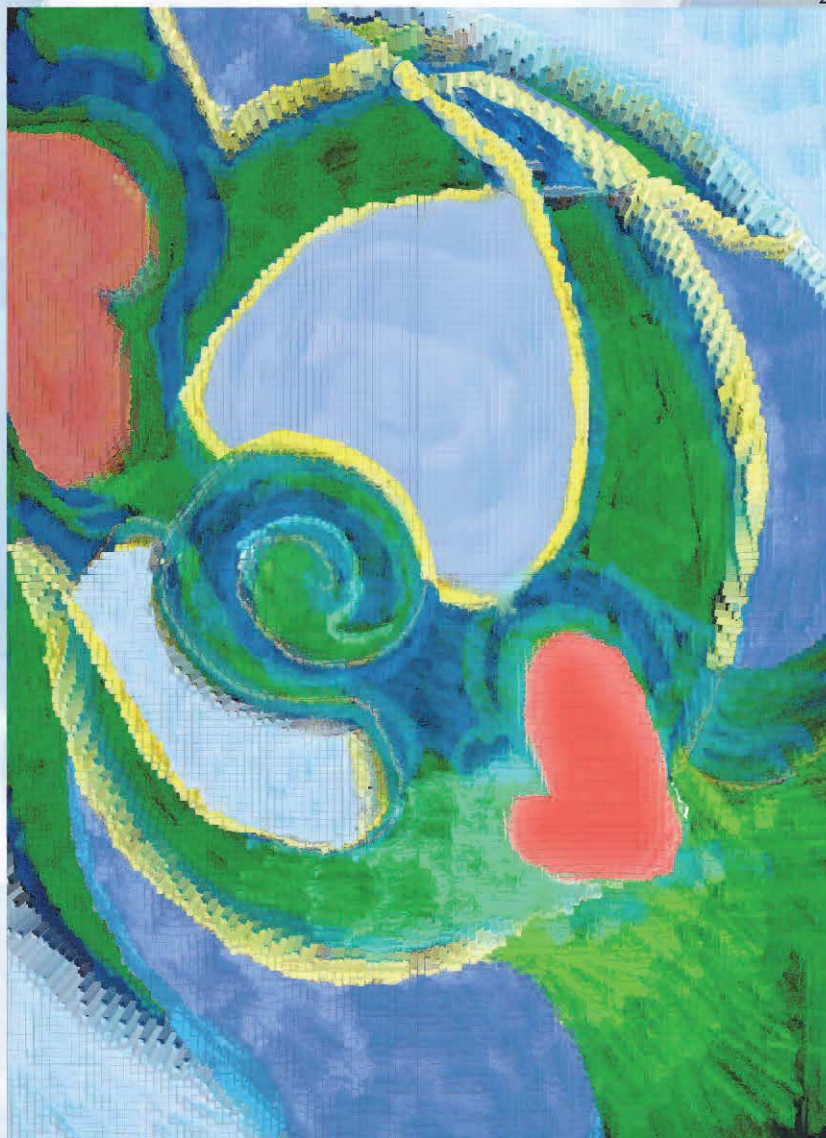

Рисунок Константина Кедрова
(бумага, фломастер), 2016.

Елена Кацюба
ДООС – libelulla

Среди рыб

Мы шли среди рыб
русалки в толпе толкались
широкие рты выдували шары
шары лоп-лопались, рыбы смеялись
сменялись треугольные лица
глаза плавали по орбитам
линии взгляда вели произвольно
произвольно себя вели
Лиловый кальмар рыбу-девушку обнимал
называл милой, присосками к телу лип
в лабиринте щупалец шурясь
ощущала себя любимой
лунолицей принцессой моря
И зря.
Телом опустела, на дно легла
думала: «Болею что ли»
На окнах темные шторы
дверь мела белее: «Болею»
По полу плюхала плавниками
к раковине, где кран
вытянул каплю и замер
Рак-отшельник
из раковины клешнями манил
уединиться звал

обещал любовь и заботу
без горя без быта
В раковине из перламутра
плавала от стенки к стенке
мир розовел сквозь стены
– ан-на-на, – пузыри пускала
серебром чешуи блистала
обида помнила, пересчитывала

Мы шли среди рыб
толпа теснила, влагой лилась
Волнами волновалась ундина
обливалась слезами, злилась
к берегу ревновала дельфина
о камни плюхалась, растекалась ленью
морских фантазий и сплетен

Бледная наяда буль-булькалась в пене
– о-ля-ля – пела, славы хотела
в зеркалах водяных собой любовалась
радужные шары изо рта выпускала
пела, но получалось молча

А, может, я тоже рыбка – золотая
в черном квадрате аквариума ночи

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

СТОЛЕТИЕ

есть во мне что-то русалочье
смотрю на небо
и вижу ангелов с крыльями
растущими из груди*

смотрю на землю и вижу
столетие
Ленин
Сталин
Ельцин
Путин
эпоха
эра

каждый из нас вырос в очереди к мавзолею

во мне женского –
выживание
мужского –
площади
алые
страстные

во мне от стихии –
бешенство
Бога
распятого на кресте
истинного –
к земле приковав время
пространством взлетаю ввысь
здравствуйте
товарищи

вот
построила ЛиФФт
во все созвездия
хватит зодиакальных дискриминаций
довольно унижительных процедур аутентичности

сама себе рапортую
лью электричество слов в провода газет и
журналов

во мне от природы –
бунт
космический
требую запрещения одомашнивания
дикого поцелуя
дикого Бога

я видела Солнце снаружи
видела изнутри
буквы
слова
выкручивая до неузнаваемости НЛО
отправляю всех
на
три
десять
сто
тысячи
сторон
ИЩИ!

объяв небо
веером флагов
требую
от каждой звезды гимн человечеству

за что нам
такая ширь
такой бунт
такие войны
такие революции
такие храмы
такие Лентуловы

Бог – не женщина
Бог – мужчина
вкладывая семья своё
требуется идентичности

*Ангелов с крыльями, растущими из груди, нарисовал художник Павел Челпанов (двоюродный дед поэта Константина Кедрова) для билета Стравинского. Удивленный Стравинский спросил: «Где вы видели ангелов с крыльями из груди?» Художник ответил: «А вы часто видите ангелов?»

Галина Свинцова

Фрагмент
из «Пражского дневника».

*

...Навстречу Праге вышла из ворот,
оставив позади обитель эту,
где, наигравшись с ветром или светом,
так хорошо – на улице, в народ!

Меня мой гид уверенно вела
пологим спуском вниз –
туда, где Прага
ждала,

как недосказанная сага,
но только не дремала,
а жила!

Жила, бурлила, устали не зная,
забыв про стародавние дела,
звенела переключками трамваев
и реки пива, жажда, пила!

Русалка пела, но не из ветвей,
а из кулис прибрежного театра,
где сладко находиться и теряться,
погибнув и воскреснув вместе с ней!

А мимо мчались поздние авто,
светились, приглашая, пароходы,
и лебеди в преддверии восхода
толпились под развесистым мостом.

Вдоль берега искала ива брод,
тревожа дно своей развитой прядью,
и сонные дворцы над водной гладью
водили неподвижный хоровод.

Покоился, как вечность, Пражский Град,
чей зыбкий мир полночных очертаний,
не приподняв свою завесу тайны,
всё звал в ее объятия, назад!

Стремилось сердце соразмерить бой
с курантами на ратуше застывшей,
и Град*,
свой профиль в небо наостривший,
горел кардиограммой голубой.

*Град (Hrad – чеш.) – Кремль

Эдуард Трескин
ДООС – баритонозавр

ПРАГА

Прага,
ты – древняя чаша,
полная башен,
домов.

Прага,
ты – темная чаша,
бродильня бессонных умов.

Прага,
ты – вечная тайна,
снов алхимических дно...
Прага, откройся,
отдай нам
то, что пока не дано!

Мы из монашеских келий
уйдем в мастерские –
кипеть
в смоле твоих подземелий,
чтобы весь мир согреть...

...Ну, а на Влтаве
в полночь
не рыб,
а русалок клёв.
Лишь позови –
и на помощь
приходит сам ребе Лёв.

Становится жизнь легка мне,
только коснется лба.
И Философским камнем
вымощена судьба.

Иллюстрации к драме А.С.Пушкина «Русалка»

Представление о мнимой несценичности драматических произведений Пушкина убедительно опровергнуто историей театра и работами наших театроведов и литературоведов. Теперь речь идёт о том, как овладеть интеллектуально-эмоциональной насыщенностью и лаконичностью пушкинского текста на сцене, раскрыть всю его глубину и правду в самом театре. Решению этой трудной задачи, конечно, способствуют современные эстетические принципы и новейшие достижения театральной техники, но и этих благоприятных предпосылок было бы недостаточно, чтобы достойно воплотить в сценических образах всё идейно-философское богатство драматургии Пушкина.

История постановок пушкинской «Русалки» в драматическом театре намного беднее и безрадостнее жизни этого произведения на оперной сцене (опера А. С. Даргомыжского). Вместе с тем несомненно – в этой народной драматической сказке поставлены важнейшие социальные и моральные вопросы. В «Русалке», как и в «Станционном смотрителе», и пародийно – в «Барышне-крестянке», вслед за Карамзиным («Бедная Лиза») звучит тема любви и социального неравенства любящих. Конфликт между дочерью Мельника и искренне любящим её Князем приводит к душевной трагедии, и в сказке возникает тема мести и возмездия. Поэтическая «русалочья» фантастика сочетается здесь с мотивами угрызений совести Князя, повинного в гибели любящей его молодой женщины.

«Маленькие трагедии», первоначально озаглавленные «Опыт драматических изучений», и примыкающая к этому циклу «Русалка» заинтересовали артиста ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького Владимира Рецептера. Он обратился к фототипическому изданию рукописи «Русалки» и черновым листам этой драмы, к пушкиноведческим исследованиям – и пришёл к убеждению, что драма, считающаяся незавершённой, по существу закончена, если учесть три цифровые пометы в рукописи и – согласно этим пометам – переместить сцены

второй части драмы. Позднее Рецептер узнал, что виднейший советский пушкинист Б. В. Томашевский в двух первых послереволюционных изданиях пушкинского однотомника (1924 и 1925 гг.) пытался восстановить окончательный порядок сцен «Русалки», опираясь на автограф. Однако впоследствии Томашевский вернулся к традиционному тексту, почти совпадающему с первой публикацией в 1837 году в журнале «Современник».

В мае 1975 года Рецептер выступил с докладом в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР о результатах своей текстологической работы, затем статья на эту тему была опубликована в журнале «Вопросы литературы» (№ 2 за 1976 г.). Гипотеза была перенесена со страниц специального литературоведческого журнала на сцену – случай беспримерный и любопытный в истории пушкиноведения. И, наконец, новая статья Рецептера «О композиции “Русалки”» недавно опубликована в журнале «Русская литература» (№ 3 за 1978 г.).

Заслуживает уважения эта настойчивая последовательность попытки артиста и пушкиниста доказать не только текстологическими изысканиями, но и сценическим экспериментом правомерность своей гипотезы. Около года назад ему удалось объединить группу молодых артистов, выпускников театрального института, работающих в разных театрах нашего города, и образовать Литературно-драматическую студию, которая в маленьком кинозале на сто человек в музее Ф. М. Достоевского показала свой первый пушкинский спектакль.

Слово «студия» всегда ассоциируется с поисками, с экспериментами. А студия, о которой мы ведём речь, выросла из любви и интереса к творчеству Пушкина. Молодые актёры мечтают, чтобы студию называли Пушкинской, ибо цель её – создать в Ленинграде сценическую площадку, где постоянно могли бы ставиться пьесы Пушкина, создать студийный драматический коллектив, который бы искал, выяснял для себя и выносил на суд зрителя открытые им закономерности

пушкинской драматургии.

Рецептер и его друзья пытаются создать творческую лабораторию, соединяющую достижения современной науки о Пушкине с практикой сегодняшнего театра, и тем самым предоставить возможность молодым артистам и мастерам сцены играть пушкинские пьесы, накапливая необходимый опыт для создания специального Пушкинского театра.

Ещё основатели Художественного театра признавали, что, поняв как ставить на сцене своих современников – Чехова и Горького, они только «подходят» к Шекспиру и мечтают о драматургии Пушкина. Тут нужно новое умение. А между тем в Англии есть Шекспировский театр, и каждое поколение актёров и режиссёров открывает своего

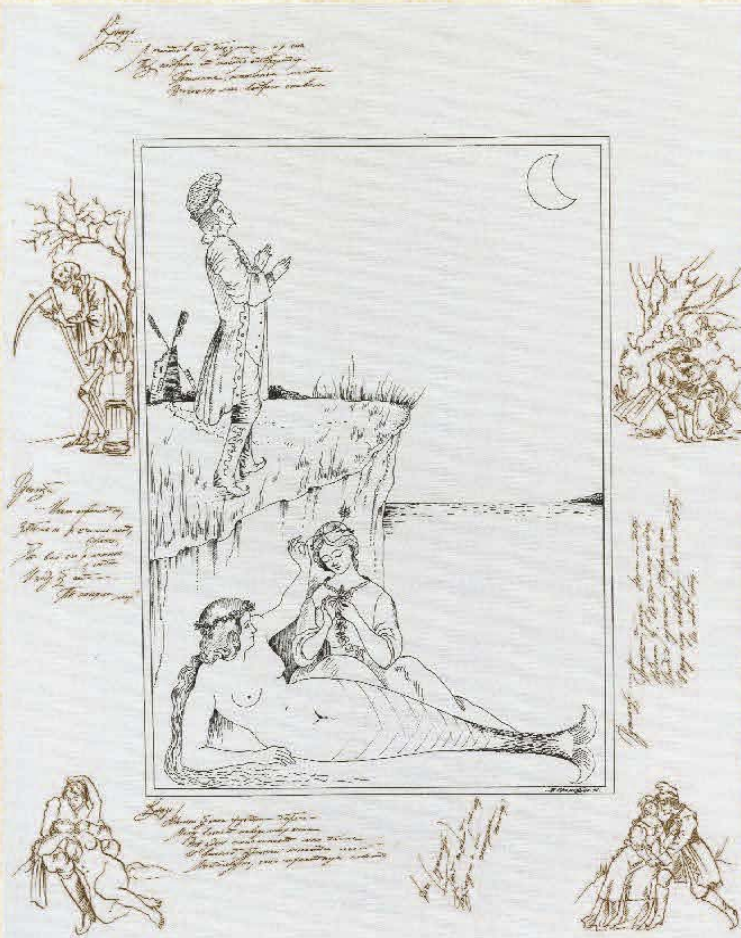
От публикатора.

Статья выдающегося литературоведа, создателя «Лермонтовской энциклопедии», Виктора Андрониковича Мануйлова (22.08.1903, Новочеркасск – 1.03.1987, Ленинград) публикуется практически без изменений – в том виде, в котором она появилась в 1979 году в шестом номере журнала «Аврора». Её актуальность для пушкиноведов несомненна и в наши дни. Следует отметить, что пожелание Виктора Андрониковича о создании репертуарного Пушкинского театра счастливо претворилось в жизнь: 25 апреля 2017 года театру «Пушкинская школа» исполнилось уже 25 лет. Основную труппу театра олицетворяют актёры – выпускники курса Владимира Рецептера. В репертуаре театра, естественно, творения самого Александра Сергеевича Пушкина, а также русских классиков: Грибоедова, Лермонтова, Гоголя... Спектакли «Пушкинской школы» невероятно востребованы публикой: камерный зал особняка Кочневой на Фонтанке 41, где базируется театр, всегда переполнен. Санкт-Петербургский Государственный Пушкинский театральный центр, в структуру которого входит театр, также издаёт необычайно познавательную серию книг-альбомов «Пушкинская премьера», в которых творчество поэта рассматривается не только в театральном преломлении, но и в историческом, научном, лингвистическом и т. д. Вышли уже 14 книг и, естественно, одна из жемчужин серии – «Возвращение пушкинской Русалки» с иллюстрациями Михаила Шемякина.

Александр Князев
Санкт-Петербург

Шекспира и выражает со сцены своё к нему отношение. Наш долг – попытаться создать Пушкинский театр. И, может быть, Литературно-драматическая студия – первый шаг на пути к нему.

Пушкинский спектакль состоит из двух отделений. Первое называется «Предположение о «Русалке»». Так зрителя сразу уведомляют, что студия предлагает лишь свою версию прочтения пушкинской драмы, и право каждого решить, насколько убедительна эта версия.

...Гаснет свет в зале. Звучит музыка композитора Марата Камилова, насыщенная мотивами народными и классическими. На маленькую сцену выходит группа артистов

– Пушкин, пушкинская драматургия – вот что прежде всего объединило нас, вот почему мы пригласили вас в зрители и соучастники спектакля. Мы показываем наш первый опыт, первую «серию» драматических изучений, затеваемых Пушкинской студией...

На глазах у зрителей артисты достают из стоящего тут же, на сцене, кованого сундука нехитрый реквизит, и начинает звучать пушкинский стих. Сначала студия показывает «Русалку» в традиционном порядке сцен, точно воспроизводя известную нам композицию драмы. Этот «канонический» текст исполняется молодым коллективом и заслуженным артистом РСФСР Иваном Краско в роли Мельника. Краско играет далеко не бескорыстного в житейских делах человека, который после гибели единственной дочери «прозревает» в своём безумии.

Освободившись от власти повседневных забот, от земных выгод и низкой пользы, он уже как бы и не Мельник, а «ворон». Пушкин обозначает этот безымянный персонаж словом «старик». Случайная встреча Князя (артисты Александр Захаров и Алексей Егоров) со стариком неподалёку от развалившейся мельницы, где некогда так

счастлив был Князь с дочерью Мельника – одна из самых впечатляющих в пушкинском спектакле. Нельзя не отметить участия в этом интересном спектакле молодых актрис Галины Волковой (дочь Мельника, Царица русалок), Татьяны Вемян (Русалочка) и Светланы Гришановой (Княгиня).

Перед нами проходит грустная история любви, оборвавшаяся в канонизированном тексте «Русалки» на фразе «Откуда ты, прекрасное дитя?...». А затем, когда мы уже вошли в предлагаемые обстоятельства сказочной истории, и луч прожектора начинает скользить по рукописи «Русалки»: фотокопии факсимильных страниц драмы, многократно увеличенные, вывешенные здесь же, в зале, позволяют актёру приобщить нас, зрителей, к работе литературоведа-исследователя. Пушкинская рукопись становится одним из главных действующих лиц спектакля. И мы видим, что сам момент окончательной перепланировки «Русалки» запечатлён в рукописи: над римской цифрой I (21-я страница рукописи, сцена «Днепровское дно») – большая клякса. Она отпечаталась на предыдущей, 20-й странице, когда Пушкин стал листать тетрадь в обратном направлении, чтобы поставить цифры II и III над сценами «Светлица» и «Днепр. Ночь».

– ...Можно вообразить себе пушкинский жест, можно почувствовать движение воздуха, вызванное перевёрнутой страницей... – комментирует артист увиденное нами.

Так гипотеза Рецеттера о новой композиции «Русалки» превращается в зримое литературоведение. Римские цифры I, II, III, по общему признанию пушкинистов, были проставлены Александром Сергеевичем уже после того как драма была написана. Рецеттер следует всем пометам, сделанным в рукописи рукою Пушкина. И оказывается, что, меняя сцены местами, выполняя указание поэта о сведении двух монологов Князя в один, учитывая сделанные им сокращения в тексте, связанные с перепланировкой, мы можем выстроить драму иначе, по-новому, и она приобретает художественную и логическую завершенность.

Пушкинский текст так прекрасен, так завораживает зрителя, что ему трудно под непосредственным впечатлением этой интересно задуманной постановки разобраться в текстологической гипотезе режиссёра-постановщика. Оба варианта предлагаются на суд зрителя и вызывают его на размышления.

«Предположение о «Русалке»» подчёркнуто строго и просто. Нет декораций. Художник Андрей Вагин удачно решил в несколько условной, но этнографической манере сценические костюмы. К минимуму сведены игровые аксессуары, исключена всякая бутафория. Удачно найден пластический образ спектакля, например, в сцене «Днепровское дно» — плавная пластика рук, имитирующая речную волну. Эта скупость и строгость в сценических средствах позволяет сосредоточить всё внимание актёров и зрителей на пушкинском тексте, причём второй, предположительный вариант «Русалки» играется в иной — чтецкой — манере. Актёры отказались даже от того реквизита, который был использован в первом варианте. Иначе распределены роли. Мы видим другого Мельника (Владимир Рецептер), другого Князя (Иван Краско), другую Царицу русалок (Мария Великанова), другую Княгиню (Маргарита Казакова). В этой версии снят всякий намёк на грозящее Князю физическое возмездие: Князя спасают охотники (Владимир Литвинов, Анатолий Попов, Владимир Борчанинов). Выпавшее на его долю наказание страшнее: жизнь и муки совести...

И здесь мне кажется уместным привести обширную цитату из последней литературоведческой работы Рецептера («Русская литература», 1978, № 3): «Заключительная ремарка — «Скрываются» — исполнена особого смысла. Её художественная значительность усилена решительным знаком окончания. Сцена «Днепр. Ночь» — единственная из всех сцен «Русалки» — завершается авторской ремаркой.

Из четырёх сцен «Каменного гостя» ремаркой («Проваливаются») была завершена лишь одна, заключительная сцена. Развёрнутой многозначительной ремаркой оканчивается «Пир во время чумы»: «Священник уходит. Пир продолжается. Председатель остаётся погружённый в глубокую задумчивость...».

...Смысловую нагруженность ремарки в финале пушкинской драмы ещё предстоит изучать, однако уже и сейчас ясно, насколько органично для Пушкина такое завершение, какое мы видим в «Русалке»: Князь «уходит», русалки «скрываются». Мы наблюдаем промежуточный вариант финала по отношению к двум названным трагедиям.

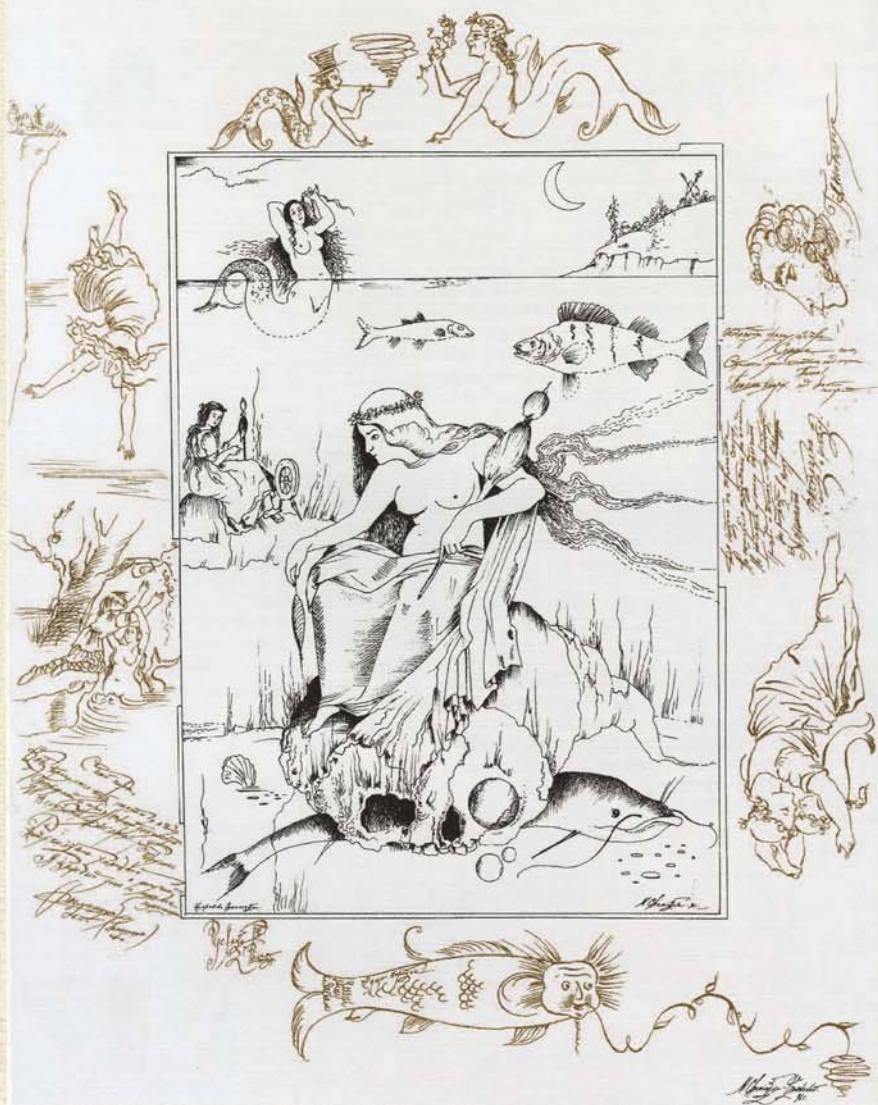
В отличие от «Каменного гостя», скрываются под водой, т. е. в известном смысле «проваливаются», одни Русалки. Князь же, подобно герою «Пира во время чумы», «уходит», т. е. «остаётся жить», «погружённый в глубокую, задумчивость». «Пир» ещё продолжается, однако для героя трагедии он уже утрачивает всякий смысл.

...Значение заключительной ремарки в «Русалке» становится особенно наглядным, если рассмотреть её на фоне истории истолкования заключительной ремарки «Бориса Годунова», как это сделано в работе М. П. Алексеева «Ремарка Пушкина "народ безмолвствует"». С ней мы получаем не что иное как незамеченное до сих пор доказательство не только внутренней, но и формальной завершенности трагедии Пушкина «Русалка».

Этот отрывок из статьи Владимира Рецептера объясняет, почему перестановка сцен, обозначенная Пушкиным, придаёт

сцене «Днепр. Ночь» финальное значение, действительно завершает драму.

Во втором отделении Владимир Рецептер и заслуженный артист РСФСР Иван Краско играют «Моцарта и Сальери». Студия делает попытку проследить и доказать нравственную связь этих произведений, образуя на их основе единый спектакль по внутренним законам пушкинской драматургии. И здесь намеренный отказ от всякой театральной условности (исполнители достают парики и тут же откладывают их) только подчёркивает, насколько важно вот этим двум

современным актёрам выявить сущность того, что, по воле Пушкина, происходит между героями, художниками, творцами, единомышленниками, людьми одного поколения, каждый из которых по-своему ощущает кризис дружбы и по-своему ищет из него выход. В драматургическом конфликте, который разыгрывается перед нами, не две трагедии — трагедия Моцарта и трагедия Сальери, а одна — трагедия Моцарта и Сальери.

В работе студии есть отдельные спорные моменты, но в целом она представляется интересной и заслуживает внимания театральной общественности. Нужно подумать о будущем этого интересного начинания и найти для молодой студии удобное и вместительное помещение.

Можно надеяться, что поставленный Владимиром Рецептером вопрос о закономерности перестановки сцен «Русалки» привлечёт ещё большее внимание специалистов.

1979 г.

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

* * *

Мы познакомились у реки.
Она протянула мне яблоко.

– Мытое? – спросил я.
– Конечно, – улыбнулась ты,
но на всякий случай
протёрла плод влажной ладонью.

Я взял румяное яблоко и
надкусил его так сильно,
что даже тебе в лицо брызнул сок.

– Ой, – вскрикнула ты, – не ешь его,
там внутри червяк!

Я рассмотрел яблоко
и увидел уползающего червя,
который норовил спрятаться в мякоти.

– Это не червяк, – пошутил я.
– Это наш с тобой змей-искуситель!

И ты одобрительно рассмеялась!

Амарсана Улзытуев

* * *

Тишина тишины в тишине,
Как матрешка матрешки
в матрешке,
до того, что уже вот-вот
впервые за много лет
услышал ужа моего,
он шурша,
алмазен и плавлен,
а при выдохе
твёрд и серебр,
когда все остальное –
русалка в русалке...

1987

Владимир Шемшученко

Всеволожск

ПОЛНОЛУНИЕ

Свет лампы порттьерами выпит.
Сгущается синяя жуть.
Сегодня – не мой выход.
И всё-таки я выхожу.
По клавишам стертых ступеней,
По тучам, по звёздам – туда,
Где слышится тихое пенье...
Сейчас или никогда!
К чертям все слова проходные –
В поэзии грош им цена!
Плевать, что мужчины земные
Тебя называют – Луна!
Простим их – убогих и сирых,
Расхитивших земли отцов...
Лишь нимфы подводного мира
Твоё повторяют лицо!
Ты кровь поднимаешь по венам,
Склонившись над ними во сне.
Они из телесного плена
Восходят к тебе в тишине.
Уходят всё выше и выше,
И нет в них ни капли вины.
Я знаю – они тебя слышат!
И вот уж – совсем не видны...

РУСАЛКА

Расскажи мне о море, расскажи о балтийских штормах,
О янтарной сосне, догорающей в топке заката,
О кочующих дюнах на острове Сааремаа,
О любви, что, как чайка, свободна, легка и крылата.

Разбуди, зацелуй, уведи за собой по волнам
В неразгаданный мир, где туманы ложатся под ноги,
Где о чёрные камни когда-то разбилась луна,
Где согласно легендам живут белокурые боги.

Расскажи, расскажи о грустинках в углах твоих губ –
Я их видел однажды, когда ты играла с волною...
Надвигается шторм... Ветер северный весел и груб...
Обнимает тебя, и хохочет всю надо мною!

Елена Красношекова «Полнолуние»
(холст, масло).

Александр Раткевич

Полоцк

* * *

Как отцветёт на полях золотистая рожь,
выйдет оттуда русалка с венком васильковым
и запоёт надо мной голосом вересковым:
«Если полюбишь меня, никогда не умрёшь».

Я испугаюсь – по телу рассыплется дрожь:
«Знаю, как ты прилипаешь к мужчинам рисковым,
чтобы потом еле слышно магическим словом
в сердце вонзить заколдованно-пламенный нож».

Что это слово? Какая трагичная сила
в нём зашифрована, скрыта в его глубине?
Или печать помрачения сияет на мне?

Канет русалка, венок васильковый уныло
будет с берёзы слезою стекать на стерню...
слово завянет, а может, сгниёт на корню.

Елена Тугучёва

Челябинск

РУСАЛОЧКА

До старости несчастная русалка
По чуждой неприветливой земле,
Преодолея боль, в слезах ходила,
За глупость давнюю навзрыд себя кляня.
Ей принца больше было уж не жалко,
Чей облик стёрся в беспросветной мгле
Отчаянья и боли. Что есть силы
Она рвалась с себя заклятье снять,
Вернуться в океан и жить опять.

Виктор Коллегорский

* * *

В августе – Август, в июле у цели –
Цезарь, в июне им Брут предстоит,
В мае, апреле – блаженный Аврелий:
Так и дотянем до мартовских Ид –

Бунинской, с Русей, русалкой днепровской,
В сумраке брезжащей тёмных аллей,
Иль Клеопатры загробной серовской –
Иды – Изиды – стигийский полей

Ныне жилицы, где Август над нами
Больше не властен, где вечный апрель,
Где, как шрапнель, барабанов цунами
Прямо нам в души обрушит Равель.

РУСАЛКА С ПАТРИАРШИХ ПРУДОВ рассказ

Я как раз тогда развелась с мужем и пошла работать сторожем в зоопарк. А обедать ходила к Нине. Я брезговала есть в зоопарке: меня тошнило там. Я вдруг стала очень чуткой к запахам. Тех животных, которых я сторожила, я различала по запахам, от них исходящих.

Лисы пахли едко и колко, как елки. Рысы пахли кошачьей мочой: удушливым упругим облаком метались они по клетке, сходя с ума от собственной вони, красавицы, пытаясь убежать от тяжелого запаха плоти, и спасти от него свои чистые нежные легкие пушистые души, не пахнувшие ничем. Медведи пахли мокрыми шубами, раскинувшись лежали они часами на полу, глядели на птиц.

Лошади пахли потом. Они пахли так, будто находятся в пути: конскими мокрыми подмышками и сухой горячей пыльной дорогой, — даже когда стояли понуро, дрожали у них от нетерпения спины, и больно хлестали себя по глазам хвостом, будто сами себе ямщики с кнутовищем.

Звери пахли по-разному, как чужие друг другу страны: зайцы пахли полем, слоны — горой, крокодилы — илом, орлы — пером, а лебеди — белым пером, водой и небом...

И я там, в зоопарке стала пахнуть тоже, но не собой, не человеком, а чем-то особым. Моя хлопчатобумажная курточка источала запах, будто живая, и я часто обнюхивала ее рукава, удивляясь и пытаясь понять этот запах, как мысль на чужом языке. Наверное, я пахла, как Ной в своем пропащем зверьим ковчеге. Во всяком случае, когда я шла из зоопарка к Нине, уличные собаки почтительно принохивались ко мне, будто помнили этот запах и боготворили его, как спасителя.

Я ходила обедать к Нине, покупая по дороге продукты. Она жила на Вспольном переулке, немного не доходя до Патриарших прудов. Она жила в коммуналке, в темной пятиугольной комнате. Я приходила, она убирала со стола пишущую машинку (она работала на дому машинисткой), мы садились за пустой стол и начинали пить молоко из бумажных пакетов: это было ужасно, — меня тошнило от молока. Меня тогда от всего тошнило. Я не была беременна. Меня тошнило от жизни, от ее каждого мига. Я заливала в себя молоко, как заливала б в себя машина бензин, если бы понимала, что без бензина станет мертва, остынет мотор.

Будто огромная жаба поселилась внутри меня, по-весеннему похотливая, урчащая, скользко-холодная — меня вот ей, этой жабой тошнило — и я заливала ее жадно-чавкающую пасть сырым пластмассовым — я бы им обмывала б покойников — молоком, — чтоб нажравшись, насытившись — она затихла бы.

Меня тогда бросил муж.

Нину тогда тоже бросил муж. Мы и познакомились с ней в загсе, где они нас бросали.

В тот глухой хмурый серый день апреля — вот-вот пойдет снег — мы с мужем зашли в загс и долго сидели в очереди, чтобы развестись, так долго, что когда наконец мы вышли на улицу, — там уже наступила весна. Там, на улице вдруг внезапно наступил май: растаял снег, потекли ручьи, лопнули почки, запели птицы, — и новый мир, будто только что спущенный на воду корабль, закачался под белым парусом цветущего вишневого сада, приглашая взойти на палубу.

Конечно, это было так задумано и сделано, чтобы загс выходил в сад, и жених с невестой сразу бы после объявления их мужем и женой, вываливались бы из темной утробы загса как единый вновь народившийся организм в сияющий и цветущий сад жизни. Этот сад не был просто садом, он как бы

символизировал счастье семейной жизни.

Вот и сейчас из соседних дверей вынес жених в черном свою белую, будто цветущую вишню, невесту; ветер, словно ждал и дождался, сильно выдохнул, будто благословил: фата надулась парусом, семейную лодку завертело, закрутило, понесло... А навстречу им шла получить свое счастье новая пара: пожилой кривоногий мужик нес в загс на руках пожилую курносую бабу.

— Дай я пойду своими ногами, — ругалась баба. — Тебе тяжело.

— Своя тяжесть не тянет. Ты ведь теперь моя?

Баба обняла мужика за потную жилистую шею и вдруг сладко и счастливо заплакала.

— Твоя, — сказала она.

Они проходили мимо, и я заплакала вместе с ней, ей навстречу. Я стояла на порогах нашего черного входа и, глядя, на их вход парадный, плакала от счастья, забыв, что несчастна. Я как бы даже потеряла сознание и перестала видеть.

И услышала:

— Что ему надо от моего мужа? — беспокойно спросила меня Нина, я еще не знала, что это Нина.

Я очнулась и увидела опять цветущий сад и дорожку и наших с Ниной мужей, уходящих по этой дорожке от нас. Ее Саша — невысокий, в белой рубашке, в темных кудрях, шел впереди; мой — Петя — в милицмейской форме, огромный, как шкаф — позади. Мой что-то сказал тому в кудрях, и тот остановился.

— Что ему надо от моего мужа? — повторила Нина.

— Кому? — спросила я.

— Менту.

— Это мой муж, — сказала я.

— Кто?

— Этот мент мой муж, — сказала я.

Так мы познакомились. Мужья наши закурили, прикуривая, разговорились, потом вдруг чему-то рассмеялись дружно, и так пересмеиваясь и переговариваясь, поглощенные друг другом и цветущим садом, ушли.

Мы смотрели им вслед. Они не оглянулись.

— Ты хочешь картошки? — спросила Нина хрипло. — Жареной картошки? Ужасно хочется жрать!

Она грассировала, Нина, и получалось красиво и торжественно: жаР-Рать, жаРРеной каР-Ртошки, — и мне безумно, безумно, будто золотого пера жаР-Р-птицы вдруг захотелось картошки и именно, — жареной. И я произнесла на свою беду и свое счастье волшебное слово:

— Хочу, — сказала я.

Хищно, как на добычу, глянула на меня Нина тигриными холодными глазами, и я отчетливо поняла в тот миг, что душа моя продана — с молотка, за жареную картошку — кто больше? — раз-два-три — продано, господа! И что начинается другая жизнь, странная и опасная. Об этом говорило и лицо Нины: оно в тот момент стало белым, как мел, и вокруг себя произвело сияние, словно лампа дневного света. Даже что-то начало пощелкивать в воздухе, электрическое. О! Я еще не знала, с кем я связалась!

Мы зашли в овощной магазин на Садовом кольце: картошки не было.

— Полцарства за картошку! — закричала Нина кому-то в потолок, будто перепродавая мою душу тому, кто там — выше потолка — подороже.

Там вняли, но поняли по-своему, и вынесли вместо

серого в комьях земли картофеля – красное прекрасное вино «Алазанская долина», целый ящик. Этот магазин всегда чем-нибудь да удивлял население. Мы купили бутылку.

Сев на лавочку прямо у магазина, мы с Ниной быстро, залпом, по очереди, выпили вино, не распробовав: мы пили, будто заливали бушевавший в организме огонь – так оно и было – и не залив, пошли за другой бутылкой.

Так же быстро, как опытные пожарные, выпили мы и эту бутылку.

Пламя продолжало бушевать в нас. Мы зашли в магазин снова, нас уже запомнили и дали без очереди.

Мы сидели на лавочке, мимо нас прогуливались люди, подошла и понюхала нас собака, но никто нас не тронул, никто не мешал нам напиться, как мы того хотели. Мы даже хулиганили. Например, Нина, чтобы представить, что пьет из бурдюка (из буР-Рдюка на аР-РаР-Рате с аР-Рмянином, – такую представляла она картину в своем объёме пламенем мозгу), поднимала бутылку на расстояние вытянутой руки и опускала горлышко бутылки вниз. Тугая тяжелая кроваво-красная струя падала сверху в Нинино горло: кадык ее ходил ходуном, – она глотала.

Теперь мне кажется, что это было не зря, что в этом был знак: природа уже тогда знала, куда и зачем все это идет; мы уже были ею выслежены и избраны для дальнейшего. Слишком запомнилась мне она, эта картина, слишком влезла в меня: и порывистый, тревожный ветер, очень нервный для ветра, очень уж страстный и все понимающий, и солнечный свет, чересчур яркий для московского вечера (будто не солнечный свет то был, а долгая-долгая фотовспышка, – нас словно фотографировал кто-то навек), и эта, горячая, сверкающая на солнце струя, кровавой лавой изливающаяся в Нинино горло сверху вниз или наоборот, бьющая фонтаном из Нинино

горла снизу вверх, – все это мне кажется неслучайным, и голуби... Да, голуби. Особенно один. Он как-то пристально и, главное, осмысленно смотрел, как Нина пьет, будто запоминая эту картину для будущего пересказа. Он не бросился, как остальные голуби к крошкам, которые я им в тот момент бросила, и даже как бы повел плечом, когда я позвала его: гули-гули, – по-мужски как-то эдак повел: мол, отстань...

Все смотрел и смотрел на Нину.

Справедливости ради надо сказать, что к тому времени мы были уже хороши: нам и голуби могли показаться мужиками. Мы вступили во вторую фазу: мы вспомнили о своих мужьях и загоревали.

Горевать мы пошли на Патриаршие пруды, это было рядом. Стемнело.

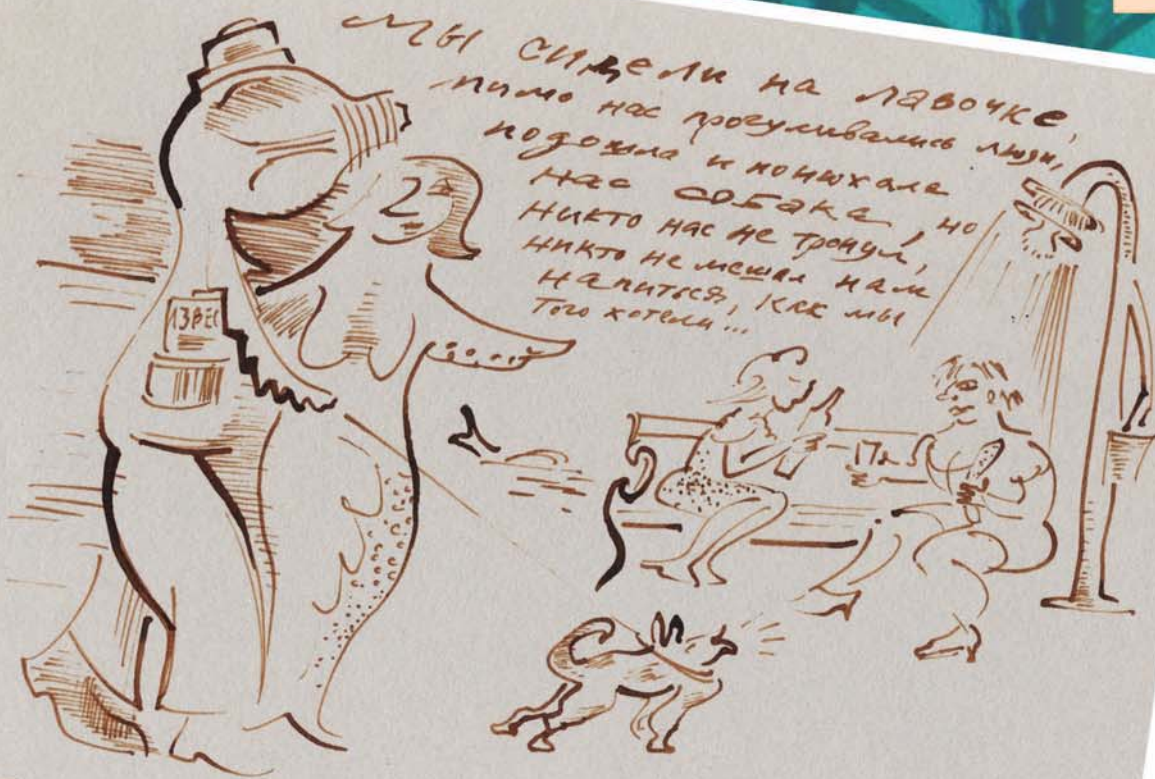
Мы сели у памятника Крылову, а также его животным, и я быстро-быстро рассказала Нине короткую историю своего замужества. Про то, как хорошо и счастливо жила я на своей родине у реки Волги, как собирала в степи подснежники и польваны, и видела змей, греющихся весной на солнышке, и сусликов, свистящих у норок, и сайгаков, бегущих в ночи, как во сне, и про то, как приехал в отпуск сосед Петя, женился на мне и привез меня сюда, в Москву, где он остался служить после армии и где меня бросил через полгода, сразу же после того, как нам дали комнату в общежитии.

Я рассказала ей, что вот уже месяц живу в этой же комнате, за перегородкой, и каждую ночь Петя приводит с улицы женщин, которые стонут от наслаждения по другую сторону перегородки до утра, а я лежу всю ночь не сомкнув глаз и не знаю, то делать мне и как реагировать.

– Бедная, бедная, – пожалела меня Нина. – Ты его любишь?

– Нет, – сказала я ей. – Я еще никого не любила.

– Счастливая, – сказала Нина. – А вот я пропадаю от любви, умираю... ЮДЖИН! ЮДЖИН! – закричала она вдруг так громко, страшно, надрывно, по-звериному, что от этого вопля сердце мое сжалось от ужаса. На голову нам

С. Васильченко РУСАЛКА «ПАТРИАРШИИ ПРУДОВ»

В. ГОНЕ

посыпались с деревьев, ломая сучья, проснувшиеся птицы. – ЮДЖИН! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! –

– ЮДЖИН! – продолжала она выкрикивать чье-то нерусское имя, залезая зачем-то на колени к памятнику. – А-ГА-ГА! – заплакала она во весь голос.

Птицы, в испуге, подхватили ее плач.

– АЙ! АЙ! АЙ! – голосило над нами черное без звезд небо.

– А-ГА-ГА!!! – рыдала Нина, встав на колени к Крылову как на пьедестал и подняв белое, как луна, лицо к небу.

– Нина, Нина, – металась я где-то далеко внизу от ее горя. Унять ее было невозможно, она редела и бушевала, как ураган.

Я хотела бежать от нее, как от сумасшедшей. Я отошла на несколько шагов. Но крик ее завораживал, не отпускал, я не видела еще такой любви, и я вернулась. Я стояла как санитар около буйно помешанной стихии, переживая ее крик, как переживают грозу. Ведь всему же должен быть конец, думала я. Но крик все длился и длился. Нинины силы были огромны, и не было конца ее любви.

В какой-то момент она вдруг зажглась, как настольная лампа, – и светила тихим домашним светом, как ночное бра. Я подумала, что вышла луна и посмотрела вверх: луны не было. Не было и звезд. Нина светила сама, серебряный лунный свет шел изнутри нее, будто она проглотила луну, либо сама была лунным телом луны. Она светила, издавая крик.

Вдруг к лунному серебряному подмешали золота, чуть-чуть. Потом побольше... Нина стояла уже вся в золотом сиянии, какое, видно, исходит от всех любящих, думала я и потому не удивлялась. Золотое пылающее знамя любви раскачивалось над миром и исходило в крике. Любуясь Ниной, я отступила на шаг, и попала в чьи-то объятия. Я оглянулась и увидела трех милиционеров. Рядом с ними стояла милицмейская машина, освещая Нину золотым светом фар.

– Хулиганите? – спросил один, толстый и добродушный.

– Гражданочка, слазьте! – закричал Нине другой – худой, бледный и нервный. Воодушевленная собой Нина не замечала никого вокруг. Она продолжала выкрикивать абракадабру из рыдающих слов.

Третий без лишних разговоров подошел к памятнику и начал дубасить своей дубинкой по памятнику Крылову, будто тот и является главным виновником безобразия. Памятник начал издавать кряжистые человеческие совсем звуки, будто стоны, и эти стоны умершего поэта Нина слышала. Она внезапно замолчала, повернула голову, потом развернулась всем телом и – глянула. Она посмотрела на них, как смотрит на человека с дерева рысь, готовая прыгнуть и растерзать: золотыми разъяренными глазами.

– Уйдите! Не лезьте в мою личную жизнь! – сказала она им. – И что вы понимаете в любви? – прыгивая с памятника, добавила она и, направившись прямо к худому и нервному, выговорила ему в лицо, подходя, будто плонула. – Менты...

Зря она это сделала. Милиционеры такие же люди, у них такая же душа и сердце.

Это я ей и сейчас, и потом говорила.

Но она так не считала.

Она считала милиционеров главными врагами любви. Будто милиция для того и создана, чтобы уничтожать любовь во всех ее видах. Такой эсэсовский отряд, хватающий и сующий всех любящих в печь. Может быть, в них она видела подобие чертей, орудующих у огненной геенны? И загоняющих всех любящих туда по очереди? Вот и сейчас он сказал ей, этот нервный:

– Оскорблять при исполнении? А ну, залазь в машину! Поедем в отделение! Загоняй ее! – сказал он своим подручным.

Они загоняли Нину, забыв обо мне. Они загоняли ее в открытую дверь машины, где была черная тьма, трюм, темень, тюрьма. Оттуда пахло кожей.

Они загоняли ее по-деревенски, откуда были родом, как загоняют козу, корову или овцу в хлев.

– Палками ее! Небось пойдет!

Она шла уже по щиколотку в воде, и опять начала светиться, как раньше, тихим лунным зеленоватым светом, будто вся обмазанная фосфором, – она поплыла, – и над водой засияла ее голова, как распустившаяся вдруг кувшинка, как редкий цветок лилея, как белый лотос.

– Ну что же вы? – закричала она милиционерам. – За мной!

Милиционеры, раздевшись, поплыли за ней, как зачарованные.

Они окружили ее в воде, но не знали что делать дальше, и так кружили и кружили вокруг, будто в танце. Я бегала по берегу, совсем рядом.

Выглянула луна, и тогда они только опомнились.

– Загоняй! – крикнул нервный и замахал на Нину рукой, будто она стая гусей. Он подплыл к ней близко-близко и протянул руку к ее волосам.

Нина увернулась, поднырнула, а когда вынырнула, то ее лицо и его оказались совсем рядом.

– Поцелуй меня, – сказала она ему.

Ее лицо было белым, как мел.

Нервный притих и смотрел на нее. Стало видно, что у него – красивое, очень юное лицо.

– Ну же! – сказала Нина властно. – Целуй! Ты никогда не целовался? Хочешь, я научу тебя?

Она приблизила свое лицо к его и поцеловала прямо в губы.

Целуясь, они ушли на дно и долго не возвращались, и когда всплыли, то не отрывали уста друг от друга.

Но Нина была другим зверем. Нервно посмеиваясь и как бы невзначай обнажая свои острые влажные зубы, закрывая рукой лицо от удара, она мягко, по-рысьи отступала к пруду, увлекая за собой милиционеров.

– У тебя поцелуйный рот! – сказала Нина, наконец, отрываясь от его губ, чтобы набрать побольше воздуха. – Твой рот создан для поцелуев.

И они опять ушли на дно.

Она вынырнула одна и весело сказала:

– Кто следующий?

– Я! – вызвался добродушный. Он лежал, как надувной матрас и смотрел на звездное небо.

Нина подплыла к нему, перевернула и увлекла на дно. Выплыла она опять одна.

– Ну? – сказала она третьему.

Третий что-то понял и бросился к берегу, неумело колосматя руками по воде. Ничего не стоило его догнать. Пойманный, он отбивался от нинино поцелуя так, будто хотел остаться нецелованным вовеки веков, навеки...

– Аминь, – сказала Нина, вылезая из воды.

– Где они? – сказала я.

– Не знаю, – сказала Нина. – Пошли отсюда.

Мы молча обошли милицмейскую машину, на секунду попав под беспощадный, яростный и ненавидящий желтый свет ее фар. Двери у машины были открыты, и оттуда тянуло ледяным холодом, как из преисподней.

– Я замерзла, – сказала Нина, передернувшись. – Вода еще совсем холодная.

– Май месяц, – сказала я.

– Ты где живешь? – спросила Нина. – Пойдем ко мне. Здесь рядом.

Я оглянулась в последний раз в надежде увидеть милиционеров выплывающими из воды. Но тих был пруд. Ничто не плескалось в нем.

Далеко на берегу стояла, как разоренный и брошенный кем-то дом, – милицмейская машина с распахнутыми дверями. И свет ее сейчас был слаб и беспомощен перед обступившей ее тьмой и несчастьем.

Елена Краснощекова «Спящая русалка (холст, масло).

Эва Касански

ДООС – чуньцинь*

***

Длинноволосая девочка, ветер
зачем ты волнуешь синее море?
Такие печальные длинные волны?
Белого лебедя, который плачет?

Девочка-ветер,
облака закрыли солнце.
То солнце, которое мстит.
То солнце, которое тает

Длинноволосая девочка,
уведи облака
туда, где напрасно русалки танцуют.
Туда, где забыта ими тоска.

Вот и время пришло.
Ее печаль длинна.
Она сможет достать до облаков
черной рукой и глазами без дна.

Алексей Чуланский

Подольск

***

В пределах слоистой воды
Что от голубой до лиловой
Магически движешься ты
К той цели что кажется новой

В Гренландии в айсбергах в сне
Ундина себя проявляет
Творит она пассы на дне
Течения благословляет

И в зеркало неба она
Все смотрит глазами тритонов
Ток гейзеров ткёт не одна
В сетях саламандровых стонов

Сквозь молнии видит меня
Я нем когда слышу песнь грома
В алхимии водного дня
В реторте прозрачного дома

* стрекоза по-китайски

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле

НАВЕЯНО

Русалка на ветвях сидит...
А.С.Пушкин

вот русалка на ветвях
ах!
а другая словно мох
ох!
и еще выходит в луг
ух!
третья краше тех двоих
их!
и четвертая на вых
ых!
на ветвях и на волнах
ух и их и ох и ах!

по русалочьим следам
по русалочьим слезам
по русалочьим ветвям
по русалочьим волнам

«У Лукоморья дуб зеленый» в парке города Геленджик.

Валерия Нарбикова

ДООС

ТЫ ВЕРИШЬ?

Это я видела своими глазами, в Подмосковье, в маленькой местности. Там в озере такая дрында, она щёлестит и говорит: «О-о-оооо!» И люди ее боятся. А я подумала, да врут они всё, какая там дрында. Ну и оказалось, что в этом озере и правда высовывается какая-то сущность, и она говорит – о-о-о. Что за о-о-о, непонятно. Ну ты веришь? Когда поживешь так два-три дня без телефона, без машины, так и правда – о-о-оооо!

...В детстве я была в горном лагере, в Артеке. Меня туда бабушка послала, я там две смены и была. Все дети в школе трубили, а я в Артеке была. Ну так вот, мы пошли в горы. И вожатая говорит: «Тут, ребятки, какой-то есть змей, но только когда дождь пойдет. Он будет очень сильно свистеть, а кого укусит, тот вообще...» А тут на всякий случай и дождь пошел. Давайте, она говорит, все в чем есть, с горы. И все кругом так свистело, это какой-то кошмар. Ну я не знаю, был там этот самый змей или нет, это уж теперь не узнаешь.

...Мы были в Крыму в Новом свете, мы там жили в пещере. Ночью я плавала рядом с пещерой, а днем уплывала очень далеко, и там плавали дельфины. И они меня никогда не обижали. Я плавала, и они плавали, а я так радовалась, когда они плавали. И они меня видели, и они понимали, что я все-таки человек. Я подплываю, и они подплывают. Они там ля-ля-ля, и я ля-ля-ля. А дельфины у местных людей называются русалками.

Марина Александрова

Нижевартовск

Кто-то в почтовый ящик положил мне журнал о необъяснимом в природе. А на следующий день ехала с работы на Самотлоре и мысленно попросила: «Леший, пошути, покажись, пожалуйста, помаши мне рукой». Представила себе старичка, а увидела сразу на отсыпке у качалки вдаль: ни машин, ни взрослых, ребёнок школьного возраста стоит и помахивает рукой. Школьное время! Пошутит, как просила. Сейчас вспоминаю – брючки короткие были или нет, не вспомню. В автобусе все дремлют – ехать не меньше часа в удобном Икарусе. Проехали, и всё. До конца поездки моим глазам было время вернуться к обычному размеру. Хорошая шутка. Полагаю, если к ним, чудесным, с добром, без страха, то запугивания не будет. Потом стихи про Лешего появились.

СЕКРЕТ

Расскажи мне сказку, Леший,
О твоём любимом лесе:
О лисе, что брюшко чешет,
Что медведю дом не тесен,

О подранках и подтянках,
Что охотник вам устроил,
О лазерной полянке,
А потом скажи такое...

Ольга Реймова

* * *

Вот гляжу я – дуб стоит,
Возле дуба кот сидит,
И мурлычет и читает,
То бишь сказки напевает.

Мяу-мяу, мур-мур-мур
На ветвях сидит Гламур.
У Гламура вместо ног
Хвост блестящий, как цветок.
Волосы из листьев дуба –
Не копна, а прямо груды.
И глаза, как омут сини,
Поглядишь – и ты бессилен.
А уж если запоёт,
И хвостом ещё взмахнёт,
То пропал ты безнадежно,
Не влюбиться невозможно.

Кот вздохнул, остановился,
Кажется, и сам влюбился.
Нам сказал он потихоньку,
Отойдя чуть-чуть в сторонку,
А Гламур – это Русалка!
Ох, гламурна интриганка!
Мяу-мяу, мур-мур-мур
И листок перевернул.

О твоём лесном народе
Мы рассказывать не будем.
Человеческой породе
Интересны только люди.

Тем, кто в лес за жертвой рыщет,
Занят мыслью злой и пресной,
Знать совсем неинтересно
То, чем лес живёт и дышит.

Павел Маркин (Ёж)

* * *

Нашел я лодку в камышах,
кто потерял – не знаю...
И вот, от счастья чуть дыша,
в борта ее пинаю.

...Уж так крепка, не протечет,
ну хоть сейчас рыбачить...
А что нашел – так мне почет!
За что ж себя собачить?

У дома удочки достал
и сети приготовил,
в катушки леску доматал,
мечтая об улове.

Отплыл подальше, чтоб никто
не помешал мне сглазом...
...Как с лодкой сделалось не то –
она исчезла разом...

– Спаси меня и силы дай
до берега добраться...
В беде моей не покидай,
буду жить стараться...

Тут закричали: «Не дрожи!
Сейчас, мужик, спасешься...»

Александр Федулов

ТИХИЕ ЛАМЕНТЫ

В диком мареве сирени
духи умерших селений
постарели, поседали.
Поломать цветок фиалки
в рожь парнишку не манят.
Не играют больше в салки
в поле резвые русалки.
Только тех же звёзд мигалки –
прошлым стоном кумовья –
то ли дремлют, то ли спят
в тропарях своих русят.
Тихо с губ сорвется пенье
и откликнется биеньем
чьё-то сердце, – и не зря:
в душном мареве сирени
воздух смыслами беремен,
жизнь родивши втихаря.

А я не верил в миражи, –
на что еще нарвешься?

Один кричит: «Он очумел!
Хватай его, как рака...»
Я слова молвить не сумел
до самого барака.

Как граммов сто на дух принял –
в спасение поверил!
А утром зря искал полдня
вчерашние потери...

И до сих пор не знаю я –
уж находил ли лодку?
А может, правы те друзья,
что валят всё на водку?

Вот вы прослушали рассказ,
а с вами не бывало?
Нам разум нынче не указ,
а странностей навалом!

Да, вишь, как страшно говорить
подобнейшие вещи, –
вдруг смогут что-то сотворить
из нави позловещей?

18.08.93.

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр

Дублин

Фамильной чертой старинного ирландского рода О'Рурк является способность видеть русалок в речной воде. Обычные люди их не видят, говорил мне мой знакомый, Ричард О'Рурк, а ведь их трудно не заметить сразу после полуночи. Дело было в маленьком ирландском городке Монастеревин, что находится в графстве Килдэр. Ричард повел меня на мост через реку Барроу. Был час ночи, вода казалась темной и мутной. Признаться, никаких русалок я не видел. Ричард же показывал мне рукой: смотрите, вот одна, а вот другая, они играют, прячутся друг от друга в водорослях. И я понял: он на самом деле их видит!

Русалка. Визуальное стихотворение Анатолия Кудрявицкого

Наталья Шахназарова

Рябиновая баллада

Прадеду

Было так: на рябиновой вице
Поженила молва паренька.
Не мечтал он о красной девице,
Не дарил в хороводах венка.

Молодая боярыня снится
Мне – прабабка. Читает псалмы.
День погожий. Страстная седмица.
Далеко нам еще до зимы.

Заскрипят подо мной половицы,
Прыгнет кошкой в окошко луна.
Будет возле прабабки резвиться.
Я очнусь от безумного сна.

В голове будет шепот прерывный,
В стеклах окон — улыбка шута.
Чей-то голос гнусавый, противный
Будет петь мне. И песенка та

Будет так начинаться: «На вице
Поженила молва паренька,
На рябиновой. Там, где водица
Темной речки сладка, глубока.

Там с обрыва сорваться не сложно,
Там легко и русалку поймать.
Там ее, белоглазую, можно
Обнимать и к щеке прижимать».

«Отче наш» я прочту. Мне не надо
Тех русалок гнусавым баском.
Да и парню не надобно ада,
Он, как я, не грустит ни о ком.

Поженили его на рябине,
Красной ягоде. Здесь на руках
Он девчонку носил. На чужбине
Она годы уже. Нет – века.

Неизвестно – вернется ли, нет ли...
Но рябина ее все цветет.
Только с ней паренек наш приветлив,
Только с ней разговоры ведет.

Я молитву прочту – все проходит.
Все молчит в голове и вокруг.
Только места себе не находит
Мой, влюбленный в видение, друг.

Мне боярыня снится. Лучину
Зажигает и песню поет:
«Обвенчал парня с рыжей рябиной
Уж давненько в округе народ.

Мы обвенчаны с этой рябиной,
И навечно мы обречены
И на родине, и на чужбине
Жить с людьми только наполовину
И сбегать в наши общие сны».

Янис Грантс
Челябинск

ПИРАТСКАЯ ПЬЯНАЯ

Крысы щёлкают хвостами
в трюме дотемна.
Ничего не будет с нами,
разве что – хана.

Чайки каркают над мачтой
годовых колец.
Ничего нам не маячит,
разве что – конец.

Штормовали норд-норд-вестом,
только бог не спас...

И русалки, как невесты,
объедают нас.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ РУСАЛКИ

русалка пела колыбельную.
и под мелодию елеиную
настали сны.
вперёдсмотрящий лёг калачиком,
как будто был трёхлетним мальчиком –
и хоть бы хны.

и боцман плюхнулся у брашпиля
и захрапел, дымя и кашляя.
столетний кок
уткнулся в жижу с макаронами,
дыша губами раскалёнными,
не чуя ног.

штурвал бумажного кораблика
зашёлся, что глазное яблоко
(не вспомнить, чьё).
и рулевой дремал поблизости,
и оплетал паучьей слизистой
свое плечо.

русалка пела колыбельную.
и я шептал под песню ейную,
что был. что сплыл.
я всё шептал: верни. верни меня.
но зарывалась ват ерлиния
в слоистый ил.

Сергей Ивкин
Екатеринбург

РУСАЛИИ. ПРАЗДНИК ПРОБУЖДЕНИЯ ДУХОВ ВОДЫ

На языке добрян называлось «бесчестием», потому
генерация вымерла. На языке родони,
если калькировать, – «радость глядеть во тьму».
Эдгар бы Аллан По отшутился: «во клюв вороне».

Нежные жёны внезапно сходили с ума,
требуя столпотворения и банкета.

Душною ночью ты всё рассказала сама:
это привычка праздника в центре лета.

В гомон русалий не допускали мужчин,
тех, кто подглядывал, чаще всего топили.
Женщины все исчезали; не выясняя причин
мужия находили счастье в музыке или в пиве.

Я тебя слушаю, выключив верхний свет;
собраны вещи, утром тебе на поезд.
Завтра одна из вас поцелует Смерть
на берегу реки в камышах по пояс.

Кристина Зейтуния-Белоус
ДООС – графикс авр
Париж

Нина Александрова

Екатеринбург

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ

можно не делать уроки, в раковину вылить суп
все расскажут тебе у ночного костра в лесу

если проснулся в холодном поту и не можешь вдохнуть
значит мертвец приходит ночью и руку кладет на грудь

там за оврагом – Сенька сказал, они с братом видели сами
в норе живут люди, которые воют тонкими голосами

у них одежда из шкур, а головы, как у птиц
Сенька с братом сбежали тогда и не разглядели их лиц

в лесу непременно помни, где север, смотри не заблудись
ночью по лесу разъезжает черный велосипедист

он догонит, воткнет отвертку с зеркальной ручкой, в бок
утащит в чашу, выбраться еще ни один не смог

говорят, там его гнездо – но наверное все-таки врут
а Наташка предупреждала, что за деревней – русалочий пруд

ты туда не ходи за водой – особенно по ночам,
у чужих не бери угощение и сама не угощай

в самую лунную ночь у топкой чернильной воды
чтобы пройти в мир мертвых, нужно попробовать их еды

это такой позывной, такой колдовской обряд
в мертвые не приглашают кого ни попадя, всех подряд

к черному лесу не становись никогда спиной
в зеркало не глади, если вокруг темно

не надейся на компас и не верь в гороскоп
правду знает только ученый по фамилии Пропп

книги его всегда носи в школьном своем рюкзаке
выучи отче наш, шепотку соли зажми в кулаке

если сделаешь правильно – все на свете скроет густой туман
и игрушечный зайчик будет вечно в черный бить барабан

Наталья Лясковская

РУСАЛОЧЬЯ

позвонил колокольчик со дна реки
на волнах засверкали фонарики
эй наталонька дома ли ты
хватит сети вязать да печалиться
видишь лодочка к берегу чалится
к ней бегут расписные коты
и пойму что сегодня погибну я
по тому как швырнёт мелочь рыбную
баюнам светлоликий рыбак
я ж сама ртом хватаю отравушку
бьюсь о горе как окунь о травушку
тщусь спастись да видно никак
ах за что родилась я русалкою
пощади богатырь меня жалкую
так ведь сладко случалось нам плыть
но кольцо по песочку катается
но венки погребальный сплетается
тот что свадебным должен мне быть
в нём хуттинии листья узорные
да кувшинок созвездия чёрные
сыть-осока да лютиков гроздь
по разлучницы злобному словушку
как обхватит девичью головушку
каждый цветик вопьётся как гвоздь
мне не петь больше песен с подвывами
не скакать со зверьками игривыми
под водой не резвиться круть-верть
моё тело на ветре распятое
по реке поплывёт прямо к ятови
в дом заходит любимый
и смерть

Рисунок
Кристины
Зейтунян-Белоус
(Париж)

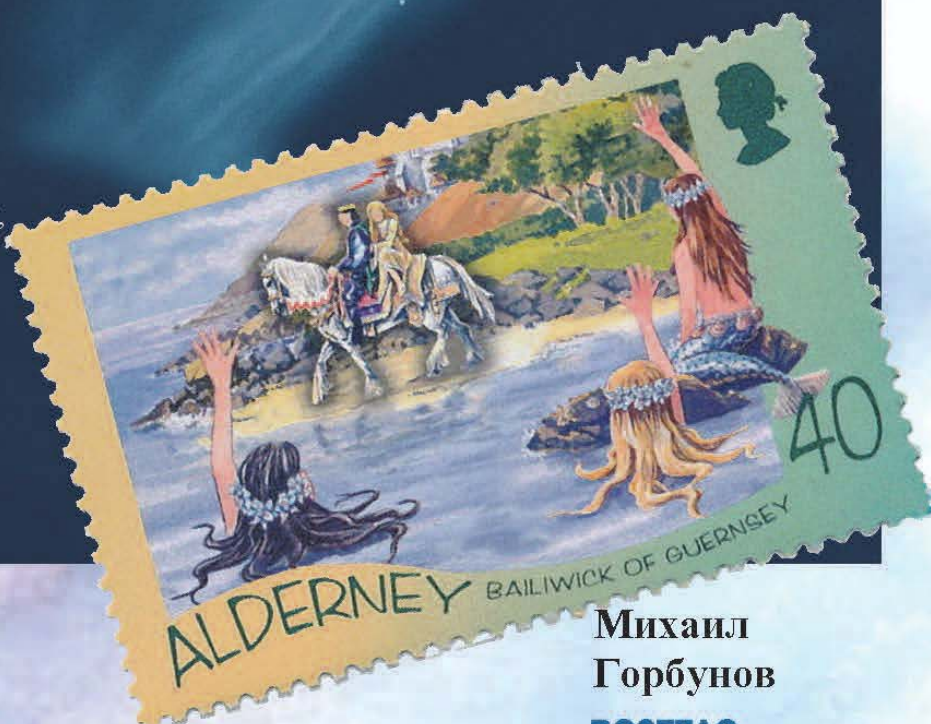
Александр Карпенко

ДООС – афганозавр

Специально для ПО

НЕБЕСНЫЕ РУСАЛКИ

Кометы – это русалки,
которые живут в небе.
У них тоже есть голова,
похожая на человеческую,
и хвост, похожий на рыбий.
Только живут они не в море, а в небе.
А ещё – они очень любят людей.
И есть у них дар предвидения.
Когда на Земле грядёт бедствие,
они тотчас спешат на помощь.
В 1986 году комета Галлея
торопилась к нам во всю прыть –
предупредить о Чернобыле.
И она успела прилететь,
но её никто не расслышал.
Она кричала во весь голос о трагедии,
но её речь на небесной латыни
никто не смог разобрать.
Русалок, живущих в воде,
тоже ведь не понимают.
Только один человек
читал по губам
их заветные желания.
Звали его Ганс Христиан Андерсен.

Наталья Карпичева

Магнитогорск

РУСАЛКИ (холодное)

вот так и мы, мой ангел, так и мы:
остыли и попались на холодном
среди неподражаемой зимы,
её стихов, мелодий и полотен.

холодные текущие дела
горазды непрерывными вещами,
царевна ничего не умерла,
поскольку ничего не предвещало.

она влита в русалочий косяк –
не потому ли, что тому не важно,
что не о том, не вместе и не вся –
здесь так безотносительно и влажно.

вот так и мы – так глухо, так сказать,
так сухо, так, что только и видали
.....
усталые русалые глаза
не постигают быстротечной дали.

их длительные волосы текут
в суровые коралловые гребни.
царевна, утонувшая в соку,
и соки, пересохшие в царевне, –

всё смоеся в сутубый голубой,
вода пускает в них свои корни,
и их большая мытая любовь
чиста, как смерть в минуту сотворенья.

**Михаил
Горбунов**

ВОЗГЛАС

1.
Дай срок, рок!

возглас высок
словно сирены вой
бьется в висок
будя мыслей рой

Рок, дашь срок?
2.
Дай срок, рок!

возглас высок
страстей вой
бьется в висок
мыслей рой

Рок, дашь срок?

Ирина Силецкая

кандидат социологических наук
друг ДООСа
Прага

Чей-то взгляд из воды
Меж камнями и ряской,
Между былью и сказкой...
В ожиданье беды
Замерла и стою,
Отвести взгляд не в силах
От сверкавшего в иле
Тела дивного... Сплю?

Что легко объяснить –
Недостойно вниманья.

Не мой жребий

Жажду непониманья
И возможности плыть,
Как она, среди волн,
Камышей и кувшинок,
Подставлять ветру спину,
Подгонять чей-то челн,

Стать холодной, немой,
Но свободной и вечной,
Сильной и безупречной!
Жаль, но жребий не мой...
Ограничен предел

Снов моих и желаний,
Жить средь встреч, расставаний
На земле – мой удел.

Не достигнув, уйду...
Я – дитя человеچه,
Не могу жить я вечно
Ни в реке, ни в пруду.
И пройдет много лет,
Гладь воды запорошат.
Ты не плачешь, не просишь,
Только смотришь мне в след.

16.10.2016 г.Прага

Ольга Панюшкина

МАЯК (песня русалки)

Снится мне океан,
белых цветов бархан,
сказочные острова,
голубая трава.
Снится, что я живу
в призрачном лесу,
снится, что я пою
песню твою.

Где ты? –
Море шумит прибоем.
Где ты? –
Чайки кричат со мною.
Где ты? –
Ветер солёный, ветер прохладный,
словно твои губы.
Где ты? –
Море шумит прибоем.
Где ты? –
Чайки кричат со мною.
Где ты? –
Ветер щекой прижмётся, шепчет,
словно твой голос.

Снится мне голос твой,
снится, что ты живой,
в лодке плывём одни
в разноцветные сны.
Парус мелькнёт, но шторм
разбивает мечты.
Где же ты, мой маяк?
Гаснет маяк.
Где ты?..

Илья Лируж

РЕВУН (маяк)

...И снова в ночь ревет маяк...
Туманы и тысячелетья
Сквозь моря вой, быть может, так
Из мглы веков могли взречь бы.

Всем одиночеством земли
И ужасами катаклизмов,
Всей болью древнею любви,
Казалось, был тот голос вызван.
В нем горечь всех былых разлук,
В нем вся тоска по новой встрече
И холод одиноких рук,
И голод губ увековечен.

В нем обезумевший призыв
Последнего аборигена –
Один среди пустынь земных –
К иным мирам, иной вселенной.

Чудовищный, тоскливый рев –
Он был непостижимо нежен –
И у бывалых моряков
Он звался Дьяволом Надежды.

Он прорывался сквозь туман,
Брал за душу и бил в ознобе.
И в море каждый капитан
Ждал голоса из преисподней.

И, глядя в бешеный бурун,
Разбитый рифом в россыпь брызг,
Он слышит зов – ревет ревун,
И это значит – берег близок...

...И снова в ночь ревет маяк...
Туманы и тысячелетья
Из бездны вод, сквозь
вечный мрак,
Быть может, так могли
взречь бы.

Тоскующий, щемящий рев –
В нем притягательная сила:
Призыв исчезнувших миров
И к существу иного мира

Созданье человеческих рук,
Казалось, наделенный духом,
Был предназначен этот звук
Нечеловеческому уху.

И проникая в толщу вод,
Он бился – сдавленной и глуше –
Как будто там настигнуть мог
Вторую, прашурову душу.

Как будто бы морское дно
Жизнь невозможную таило –
Как будто это быть могло...
И так в действительности было.

Ольга Ильницкая

ДООС – слонозавр

СЕКРЕТ РУСАЛКИ

1.

Над голым пляжем протянулись
и невода, и провода,
и электрические лужи
горят, не ведая стыда.
Здесь совершенно невесомы
коньки морские.
Но чистят перья ледяные
рыбы стальные.

2.

Тебе будет трудно обнять меня.
Если успеешь догнать.
Я смогу быстро бежать, и когда
ветер очнется, и с неба вода
брызнет внезапно, я острою рыбой
врежусь в твои невода...

Ты мой рыбак успокоенный ночью.
Свет мой внезапный в крошечном дыму.
Тёмный пожар, разжигающий очи.
Если догонишь – я обману.

3.

Стану русалкой на скалах слепых.
Черной жемчужиной в тайных объятьях.
Ты мне подаришь вину и распястье.
Я развяжу войну.

Жизнь не прольется из рыбьего брюха.
Жабры не высохнут до октября –
зло и отчаянно брошенный мальчик,
преданный зря.

Если остынут жестокие губы.
Если заучено слово навек.
Выйди навстречу,
как море чужое
ты.
Не чужой человек.

4.

Время развеет капризные тучи,
выпростав руку из рукава.
Мы разломаем горячие пальцы
и оборвём провода.

Мягкий рассвет подкрадется внезапно.
Свет электрический нас не найдет.
Чем ты повяжешь, когда на рассвете
Солнце рассвет разольет?

Луж электрический сух прибор.
Все что случилось со мной и тобой
станет слезами русалки:
слоёной – солёной – морской – водой.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белорус (Парик).

Юлия Пономаренко

Полоцк

ПЕРЕЛИВЫ

Перелив ожидания

Возвысив волнением час ожидания,
Дождями хмельными тебя опьянить,
И в миг долгожданного сердцу свиданья
С ладоней горячего солнца испить.

С ладоней горячего солнца испить,
И в миг долгожданного сердцу свиданья
Дождями хмельными тебя опьянить,
Возвысив волнением час ожидания...

Перелив оживленный

Стихи, как будто звёздочки в ночи,
Плывут, чтоб оживить места свиданий.
Уставшие от прятков и скитаний,
От сердца дарим мы не тем ключи.

От сердца дарим мы не тем ключи,
Уставшие от прятков и скитаний.
Плывут, чтоб оживить места свиданий,
Стихи, как будто звёздочки в ночи...

Перелив обидчивый

Встречи наши – сплошные укоры:
Стала зыбкой основа лести.
И, под горечью каждой ссоры,
Жертва яростно жаждет мести!

Жертва яростно жаждет мести!
И, под горечью каждой ссоры,
Стала зыбкой основа лести:
Встречи наши – сплошные укоры...

Ольга Журавлева

ДООС – стрекожур

Я

Честно присно несносно
Просто – как никогда –
Я вулканический остров – terra tua, вода!
Мощно бесповоротно выхода не найдя
Став не попад бесплотной с маху вхожу в тебя!
Разгорячённой плавной лавой перетеку
И пропаду бесславной в моря лихом скаку
Огненной беспощадной выжженной позади –
Тerra tua, прохладный,
Тerra tua, гляди!
Ярости безоглядной с пламенем по пути –
Прочь с берегов наяды, выше, баклан, лети,
Не пощажу любого – мне ли кого щадить –
Жерла взломав оковы брошусь тебя любить!
Взорванное пространство скоро ли отойдёт...
Большого постоянства вряд ли земля найдёт!
И на ходу сметая лишние пустяки
Я до тебя сбегая с видом шальной реки.
Изгнанная из рая с самых его вершин
Я до тебя сбегая... и остываю...
Стыну...

Вячеслав Куприянов

***

Не ходи к воде за любовью
Там играют в любовь русалки
Как вынырнет так на диво дева
А нырнешь поглубже там рыба

И в лес не ходи за любовью
Там дриады манят в объятья
Но их руки уходят в корни
А корни уводят в землю

Не води весной хороводы
Их в цветах и с цветами водят
Там возьмут тебя за руки с песней
И уже никогда не отпустят

Поезжай лучше в город за границу
Где ни воды ни цветов ни леса
Там девы снизу уж точно девы
А что сверху уже не важно

ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО

Все еще стесняется нечисть
показаться во всей красе

Русалки прячут под юбками
свои рыбки хвосты

Сатиры спят
не снимая с рогов цилиндры

Оборотни бредутся ежечасно

Медуза втягивает
змеистую голову в плечи
по самое лицо

Пресноводные пресмыкающиеся
престижно пресмыкаются
не вынимая из карманов брюк
свои загребушие
левые и правые
перепончатые лапы

Любовь Красавина

Цикл: Русалка_21_век

1_1_Русская былина

Я могла бы сменить:
две ноги на рыбий хвост!
И обратно сменить:
супер-
хвост на две ноги!
Коли вышло тебе
жениться на другой:
На здоровье! – будь счастлив! –
будь воля твоя!

1_2

Когда будешь сидеть –
на свадебном пиру!
Когда будешь петь –
о счастье и любви!
Заруби-запомни:
куда ни погляди
не увидишь меня! –
запомни-заруби!

1_3

Когда будешь жену
обнимать-целовать,
позабудь навсегда о том,
что потерял.
Навсегда позабудь о том,
что не вернёшь!
Когда: любишь-не любишь
жену-не жену!

1_4

Жизнь пройдёт –
не заметишь! –
как дети выросли!
Неудачные дети –
от нелюбимых жён!
И никто не летит –
со всех ног, со всех сторон –
и никто не машет –
тебе! – вослед!

1_5

А русалки –
спасают и любят! – других!
А русалы –
поют и зовут! – в любовь!
И малы берега
для страстей людских.
Я могла бы сменить:
две ноги на рыбий хвост!

2_1_Хокку_5_7_5

Немые ноги
на поющий хвост – обмен
и принц в подарок.

Дмитрий Панчук

Северодвинск

Солза*

Рыбы, жалкие-жуткие!
Откуда столько воды?
Кругом стаканы и треск сосудов!
Водяное безумство,
А под водой пески
И вы, жалкие-жуткие –
Фляги и сервизы,
Способные запирать не послушную
Мару вод.
Абсурдно верить,
Что во мне есть суша,
Хотя бы остров
Погруженный в литры свежего сока озера
Солз.

*Солза — река с каменистым дном и форелью,
впадающая в Белое Море.

Берега

«для всех детей»

Лодка текла
От берега к берегу,
Странника не было...
И лес тек –
Как ладони по воздуху.
И плыли мимо многие,
Не замечая, трогая.
Из ручьёв складывалась река:
Внятная, мягкая.
Подобно тучным пристаням
Следили рыбы за истиной.
Сладко качала волна,
Напевая, уводила от берега,
Таяла в туманах земля.
Чуть слышно шептались камни со дна:
«– Не видно странника?
– И да, и нет...
– И нет, и да...
– Вот в чём беда,
Два берега...»
Качают лодку
Люди настроения.

Веселитесь о берегах,
Как о двух и Нет и Да...

Николай Ерёмин

ДООС – никозавр
Красноярск

ЦИТАТНИК ДЛЯ РУСАЛОК

Специально для ПО

1.

Ты хочешь стать русалкой?
Очень жаль...
И я тебе сочувствую, не скрою...
Но, взглядываясь в сказочную даль,
Я вижу там тебя Бабой-Ягойю...

Ах, бабочка!
Тебе ведь невдомёк,
Что я – в тебя влюблённый мотылёк...

2.

В меня влюблённая Русалка,
Не плачь,
И не зови к себе!
Тебя мне и себя мне жалко...
Но –
Рыбий хвост в твоей судьбе...
И зря нам о любви поёт
Русалок лунный хоровод...
Как будто плачет и зовёт
К любви –
И страстной, и хмельной –
Под Солнцем,
А не под Луной...

3.

Поэтесса
Бойтся старости,
Потому что во всех грехах виновата.
И во всех стихах
Повторяет в ярости
Что боялась молодости когда-то...
Когда любви
Прекрасные мгновения
Омрачались страхом оплодотворения...
Когда река
Продолжения рода
Звала утонуть, не показывая брода...

А двадцатилетний капитан
Запер её к себе в каюту
На корабле, уплывающем в море-океан...
И принятое ошибочное решение
Означало неминуемое
Кораблекрушение...
После которого на дельфине в волнах,
Глядя в небесную высь,
Ей лишь одной на необитаемых
островах
Удалось спастись,
Одинокой и жалкой...
Чтобы стать боящейся старости
Поэтессой-русалкой...

4.

Все поэтессы на одну похожи
Русалку, опьянённую – до дрожи,
До одури –
С рождения до смерти...

О, юноши влюблённые,
Не верьте
Ей – фее, ведьме, стерве и колдунье...
Особенно – при встрече в полнолуние,
Когда, увы,
Пленительна и страстна,
Она для вас особенно опасна!

5.

А русалка
Сквозь слёзы хохочет,
Что «не стерва она и не ****ь...»
А никто
Почему-то не хочет
На машине её покатасть...»
.....
А рыбак говорит:
– погоди!
Не спеши, всё у нас впереди...
Пусть сначала костёр догорит...
У тебя
Потрясающий вид!

6.

Снова Русалка зовёт меня из воды
В воду, к себе, туда, где
не нужно еды...

Так как на грани бытия и небытия
Там предостаточно пения и питья...
Снова я сплю и слушаю сладкий сон –
Моцарт, Вивальди, Чайковский и Мендельсон...

Снова белая Лебедь плывёт посреди камыша –
В коврике над кроватью трепещет её душа...

И всё так реально, как будто это не сон...
И в Лебедя и в Русалку я безответно влюблён...

Сплю – и рыдаю от счастья, увы и ах...
И просыпаюсь – в слезах –
У маменьки на руках...

7.

Куда меня
Не зная броду,
Моя фантазия ведёт?
Зачем иду
В огонь и в воду,
Туда, где всё наоборот?

Где саламандры и русалки,
Где ваньки-встаньки и матрёшки
Кричат:
– Куда ты? Ёлки-палки! –
И мне показывают рожки...

8.

Сквозь ночь
Идиотизма и абсурда,
Где правят самогон и
кама-сутра,

Костры покинув,
Весел, налегке
При свете звёзд я подошёл
к реке...

Вдали
Заря над лесом загоралась...
В реке
Русалка лунная плескалась –
Глаза – как угли,
Косы – как зола...
И в омут
За собой меня звала...

9.

Как хорошо
Быть древним греком,
А не обычным человеком!
И воспевать
Среди услад –
Наяд, русалок и дриад...
И снова,
С ними заодно,
Водою разбавлять вино...
И знать,
Что всё предрешиено...
И нужно –
Мраморным под стать –
При жизни памятником
стать!

10.

Я как предчувствовал немилость...
Дела – слова,
слова – дела...

Ты вдруг на что-то
Рассердилась,
На пароходе уплыла...

Все говорят,
Что утопилась...
И что в русалку превратилась...

Я ж слушаю весь этот вздор –
И всё не верю,
До сих пор...

11.

– Забудь меня! –
Она сказала
И уплыла под одеяло,

Увы, русалкою морской...
Заноза
В памяти мужской...

12.

Помню, девочки блукали
На высоких
Каблуках...

С ними
Мальчики
Алкали...

Все спились,
Увы и ах!
Жизнь
Жестокая такая:
Без бутылки не понять...

Все –
Блукая и алкая,
В донжуанов и весталок...
В алконавтов и русалок
Превращаются
Опять!

Помню,
К пропасти влеком,
Был и я под каблуком...

Помню
Символ
Тех наук:

Тот обломанный каблук...
От подруг и от друзей
Мною сданный в Литмузей...

13.

Я дружил в то лето с Алкой...
Но она –
Что за дела! –
Стала под луной русалкой,
Ах! –
И в море уплыла...
Возвращайся,
Где ты, Алка?
Мне тебя всё время жалко...

14.

Алый парус... Рыбка золотая...
Сказки детства... Берег...
Даль морская...
И Русалки в даль зовущий крик...
Неужели я уже старик?

15.

*«Солнце-то
Ещё настоящее»
Елена Апланова*

Море
Было настоящим,
Поперёк меня лежащим...
И меня к нему волной
Прибивал морской прибой...

Из морской рождались пены
Жёлтые
Цветы измены...
И вскричал я в гнев дня:
– Море, измени меня!
Сделай снова молодым
И влюблённо-удалым...–

И притихло море вдруг,
И сказало:
– Что ж, мой друг,
Хочешь, молодость цена,
Век дожить?
Войди в меня! –

И возник из пенных вод
Вдруг
Русалок хоровод...

Я нырнул –
И сразу стал
Не Ерёмин, а Русал...

Чтобы вновь в журнал ПОэтов
(У поэтов нет секретов) –
Вынырнуть –
От сих до сих,
Сочиня новый стих...

2017

Евгений Лесин

* * *

У меня живет русалка.
Я держу ее в ведре.
Беспринципная нахалка.
С плавниками на бедре.

Даже если ты нормален,
Все равно не заходи:
У нее товарищ Сталин
На спине и на груди.

Две красивые наколки,
Глупый взгляд и томный зад.
Воет ветер, плачут волки,
Самолетики летят.

У русалки нету братца,
Только верное ведро.
Так поехали кататься
На трамвае и метро.

Мы летим на самолете,
Мы поехали к сестре.
Хорошо тебе в Речфлоте,
Мне – с русалкою в ведре.

Неизменна мандавошка,
Как партийный аппарат.
А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.

Под окном сегодня свалка,
Магомет пошел к горе.
А безмозглая русалка
Улыбается в ведре.

* * *

Чтобы не было беды,
Опасайся свалки.
Там выходят из воды
Мрачные русалки.
Бьют немедленно под дых,
Заунывно воя.
На меня одна из них,
А точнее, двое,
Положить хотели глаз.
Да еще с прибором.
Пропадай, рабочий класс,
Вместе с триколором.
Пропадайте за труды
Ради коммуналки.
Если в кране нет воды,
Выпили русалки.
Если в кране есть вода,
Значит, дома гости.
На тарелке лебеда
И зеленый хвостик.

Света Литвак

ДООС – зиоса

Стихи о Петрозаводске

Немецкий скульптор Райнер Кассель
Пошёл, купил билетик в кассе,
И поезд, курсом на Восток,
Привёз его в Петрозаводск.

Его приветствовали строем
Рабочие «Монолитстроя».
Пришли встречать Петро и Маша
С завода «Петрозаводскмаша».

И здесь, на озере Онега –
Не бабу толстую из снега,
Не из гранита камнерезом –
Сварил скульптуру из железа.

Под звёздным небом набережной
Он просверлил рукой небрежной
Тяжёлый лист из нержавеющей,
Здесь установленный навеки.

И, разровняв песок украдкой
На гладкой каменной площадке,
Восторг онежских бурь и пург
Увёз в родной Нойбранденбург.

А от плиты чуть-чуть поодаль
Два рыбака швыряют в воду
На воздух взвившуюся сеть,
Дулута дружескую весть.

Как обнажённые рентгеном,
Распиленные автогеном,
Гнут металлические прутья
Их крепко спаянные груди.

Авангардистскую скульптуру
Из проволочной арматуры
Застраховал Гарантэнерго
Для Рафаэля Консуэгра.

Немного дальше сводят скульпы
Стальные челюсти акулы,
И неожиданно возник
Рельефно мыслящий тростник.

За ним, закреплена на палках,
Плывёт французская **русалка**,
И там, где сесть не смеет птица,
Железом дерево ветвится.

Тут финны были и германцы,
Французы и американцы,
И мы их знаки различали
И пили пиво на причале.

Владимир Павлов

Великие Луки

ИЮНСКИЙ ВЕЧЕР

(сонет)

Туман, фатой подвенечной,
На грани солнца и луны,
Объял июньские сады
Музыкой сладкою, беспечной.

И путь России бесконечный,
В глуши её лесов и вод
Мелькает дивный хоровод
Русалий–праздников сердечный.
Для слышащих в тиши –
Звучит песнь ангелов. Сорви
Цветок невиданной любви
Поэта – ветреной души,

И возложи на аналой
Зажженной, трепетной свечой.

РУСАЛКИ

Русалки выплывают в свет,
Кому достанется привет?

А может – страстный поцелуй?
Ты с ними, братец, не балуй!

Заманят вмиг тебя с собой
В подводный мир свой голубой,

И там, останешься на век,
Познавший чудо человек...

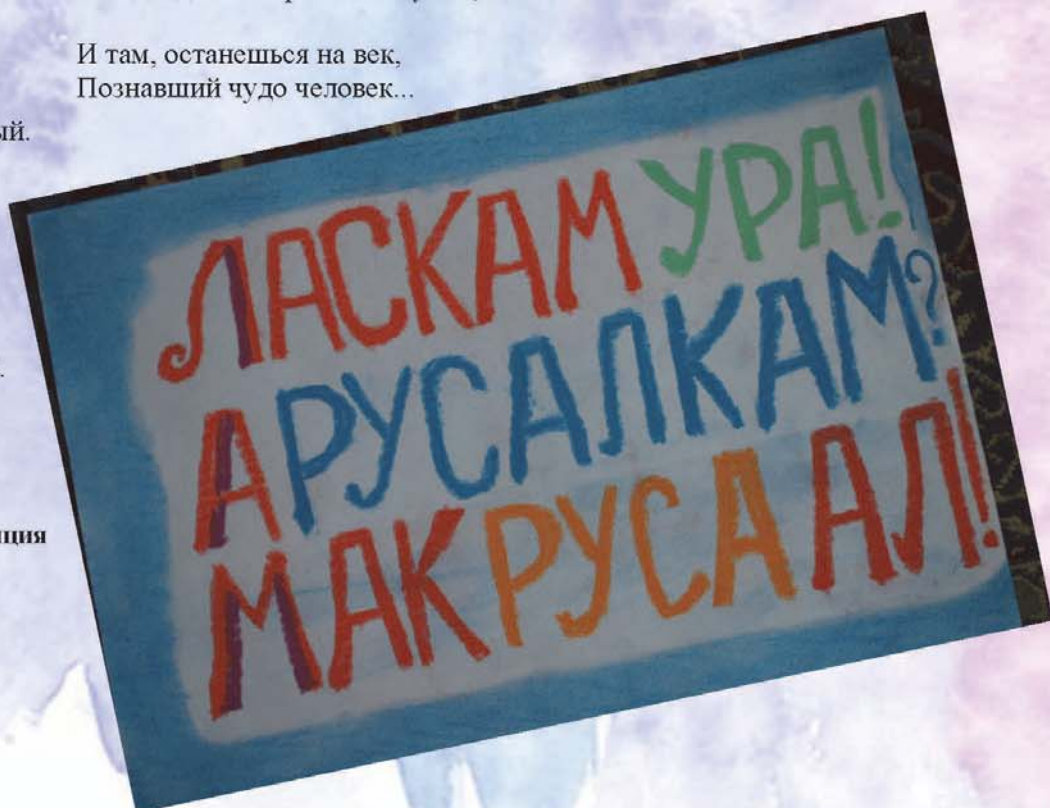
Марат Куприянов

Новополоцк

* * *

...где лента пляжной полосы
алест... Шхуна на приколе,
а сотни маленьких Ассолей
порвали парус на тусы...

Анаграммная композиция
Владимира Павлова.

Валерий Батрушевич

Зеленоградск

ДЕВУШКА С ХВОСТОМ

У мраморных надгробий и оград,
Среди могил кладбищенских гуляя,
Я представлял себе грядущий ад,
Мне не грозящий рай не представляя.

А рядом протекавшая река
К себе манила – было очень жарко,
В ней, видно, отражались облака
И, очевидно, – юные русалки:

Я слышал молодые голоса,
Но, словно, зимним холодом подуло –
Средь стройных сосен светлая коса
На солнце ослепительно сверкнула.

О будущем забыв и о былом,
Я с кладбища исчез одновременно:
Я думал – это девушка с хвостом,
А там старуха с острым инструментом.

Елена Атланова

Ташкент

КРЫМСКИЕ РОЗЫ

С недавних пор чувствую
что у меня начал расти
русалочий хвост

По ночам он растет гораздо быстрее
ведь не запретишь же себе
видеть во сне
море

Днем
в сухопутном офисе
хвост ведет себя поостроже
но сам факт его существования
стало все труднее скрывать от сослуживцев:

в самый неподходящий момент
хвост вдруг начинает биться
о лед раздражения

Успокаивает лишь картина на стене
где в отпуске без содержания
беспечные крымские розы
живут в банке с водой
цвета черного
моря

Валерий Силиванов

АНАГРАММА

Русалки жили на облаке в луже,
Лежали на боку и жрали свеклу.

Коллаж Елены Атлановой.
Специально для ПО

Леонид Кухаренко
«Крымские розы»
(холст, масло)

«Сирена». Коллаж Сардора Азизова.
(Ташкент). Специально для ПО.

Ирина Егорова

ПЕСЕНКА МОЛОДОЙ ВЕДЬМЫ

У меня душа – страстная,
У меня шаги – быстрые,
У меня ладонь – ясная,
У меня глаза – чистые.

Я люблю летать голая,
У меня спина смуглая,
У меня длинные голени,
В волосах волна круглая.

Я – ведьма, сильфида, ундина, русалка,
И мне ни единой души
Не жалко, не жалко, не жалко, не жалко –
Глаза мои так хороши.

И волосы вьются, как флаги на мачте,
И стройные бедра круты.
Любите, желайте, стенайте и плачьте –
Ты, ты, и конечно же – ты!

За душой моей пламенной –
Как кометы хвост – искрами.
Даже сердце гор каменных
Крошится от глаз выстрелов.

Я любовью землю мощу.
Небо для меня – дом родной.
Только в ком любовь умещу?
Ох, как не найду – быть одной!

Быть одной? Ха-ха-ха!

Я – ведьма, богиня, чертовка, русалка,
И мне ни единой души
Не жалко, не жалко, не жалко, не жалко –
Глаза мои так хороши.

И волосы вьются, как флаги на мачте,
И пальцы тонки у руки.
Любите, желайте, стенайте и плачьте,
Смотрите, как ноги легки!

Как ноги легки и длинные, и проворны,
Как стройные бедра круты.
И это из сердца не выдернешь с корнем
Ни ты, и ни ты, и ни ты!

У меня душа – страстная...
У меня глаза – чистые.

Александра Окатова

Хрустальный купол голубой,
берёзы жёлтая тревога,
о возвращении домой
мечтает старая дорога.
В густом лесу среди берёз
за изгородью из скелетов,
над прудом из чистейших слёз
стоит мой дом, не ведающий лета.

Навечно осень в доме прижилась,
без лет и зим, да и без весен,
там каждая былинка горем налилась,
и воздух там тяжёл и смертоносен.
В моём роду русалки – все.
Не зря в деревне нас боялись
и сразу узнавали по косе,
из локонов, что змеями свивались.

Я раньше очень мстительной была –
и никогда и никого не пожалела,
волшебницей без сердца я слыла,
и чёрной магией свободно я владела:
а трое юношей меня пытались полюбить –
расколдовать меня хотели,
пришлось их, бедненьких, убить,
и я от крови чистой захмелела:

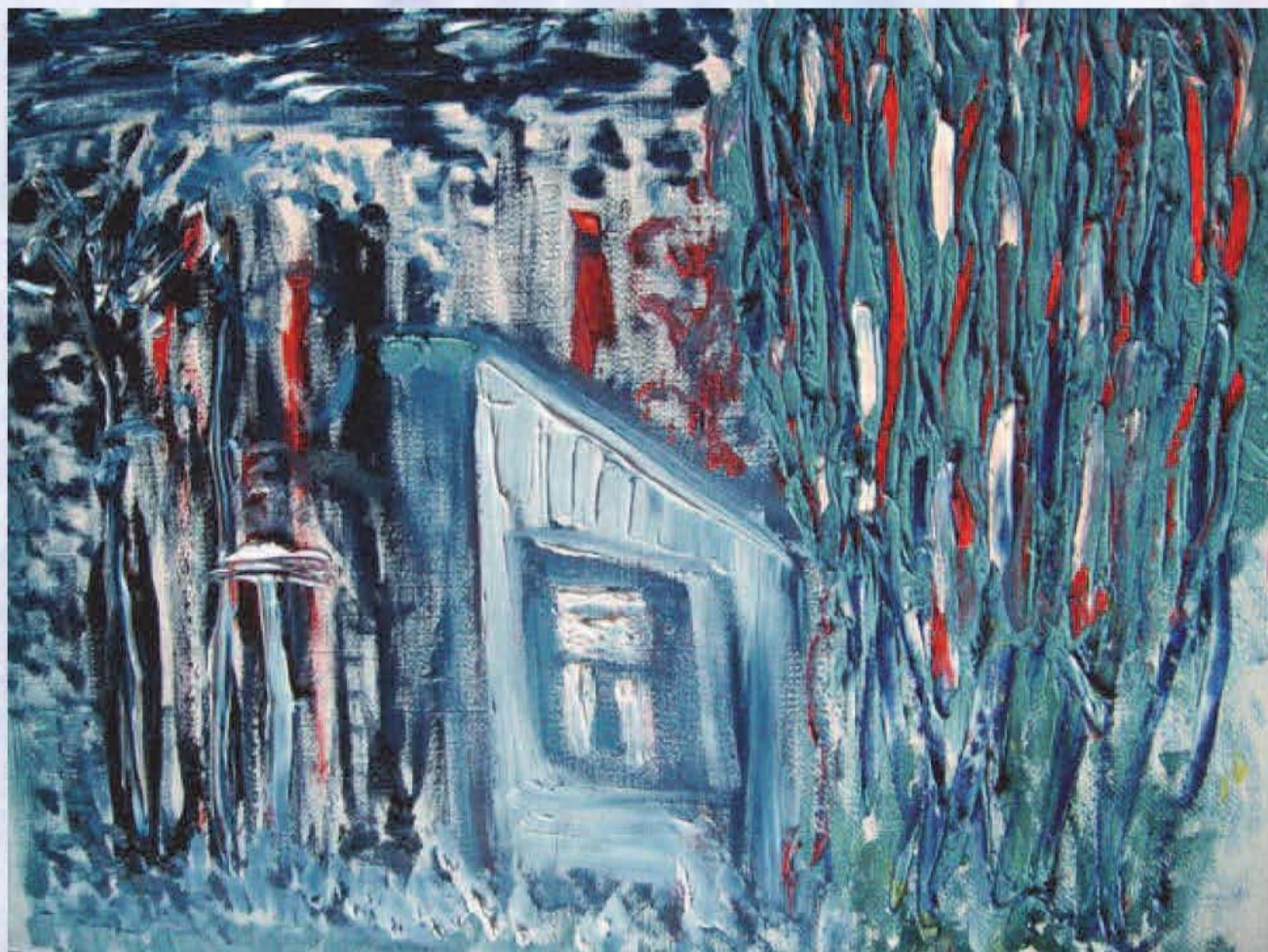
один лежит с ножом в груди,
другой сокрыт в чащобе леса,
его следочков не найти,
а кости третьего разбросаны по плёсу –
три чистых сердца на моей груди
сияют на цепи как три рубина,
и лучшего подарка не найти
для моего седого господина.

Два сердца я ему отдам,
но утаю твоё сердечко,
он приготовит два гостям.
Из твоего я сделаю колечко:
в октябрьскую особенную тишь
мне кажется, я слышу твои стоны
я слышу, как от наслаждения ты кричишь,
моей любовью истомлённый.

Мой господин измены не простит,
чужой любви не сможет не заметить,
и горько мне захочет отомстить,
а я готова – не боюсь ответить.
Неверная жена, я глаз не опущу,
рукой не заслонюсь и не согнусь в поклоне,
Я душу к богу птицей отпущу,

и загорюсь звездой на небосклоне.
Теперь и ты меня благослови:
моя любовь остра как нож и вечна.
я говорила – берегись моей любви –
она так горяча, строга и бесконечна.
Мой господин сорвёт с руки кольцо,
но заглянуть в мои глаза уже не сможет
и, наклонив холодное лицо,
кольцо на веки мёртвые положит...

...и тело хладное столкнёт
ногою с ветхого помоста,
и надо мною пруд сомкнёт
потоки слёз прозрачного погоста.
Мерцает солнце надо мной
сквозь толщу вод неощутимо,
и дни земные чередой
меня не задевая, мчатся мимо...

...Темнеет быстро купол голубой –
как ночь опустится тревога.
О возвращении домой
и не мечтает старая дорога.
В густом лесу среди берёз
за изгородью из скелетов,
в глуби пруда из чистых слёз
исчезнет дом, не ведающий лета...

Андрей Коровин

ДООС – крымозавр

вот что со мной приключилось

весь понедельник из меня выходили красивые рыбы
во вторник я рыбой красивой стал и сам
и дни потекли медленно как река в среднем течении
и плавники моих рук отдались спокойствию серебра

там где небо переходит в Большого Бога
там где звёзды стоят на охране наших границ
я был рыбой в воде я плыл между ними и плыл бы
в среднем течении долгой Млечной реки

и камыши-осоки шуршали мне речи ветра
и вчерашние звёзды отдавали теплом костра
и какие-то люди на берегу пели грустные песни
и юные девушки голые как русалки плыли рядом

тонули в тёмной воде

Мокрая вода

Михалыч и Генгч забрались в палатки. Из темноты времена долетают обрывки слов, бормотание, вскрики, похрапывание. У костра Василич и Борис. Он же – Боб. Удобные складные стулья. По навесу, раскинутому между соснами на верёвках большое, наискосок, крыло, шуршат, скользя, сосновые иголки. Изредка мягко плёпнется шишка, словно спелый плод в подставленный подол.

Лес – светлый, прозрачный. Духовитый настой от дневной жары держится долго.

Костер скорее тлеет, чем греет. Ночь тёплая, поэтому просто приятно смотреть на ленивые язычки пламени. Они словно собака – коротко лизнёт себя, глаза прикроет, придрёмывая, вскинется неожиданно, надеясь, что ей перепадёт что-нибудь со стола, и опять засыпает, свернувшись у ног, добавляет уюта.

Берег густо зарос высокой травой. Лунная дорожка искрится на воде, переливается – только так заметно, что река движется. Плавно, бесшумно, лишь изредка всплеснёт рыбная молодь, метнувшись блестящим веером на мелководье от ненасытной щуки.

Из зарослей крапивы послышались возня, сопение. Василич глянул в ту сторону, подхватил толстую суковатую «кочергу».

– Ёжик, – сказал Боб. – Там старая газовая плита. Догнивает свой век. Ёжик с вечера внутрь заберётся и шуршит до утра. Может, запахи нравятся, а может, радуется, что спрятался за такой броней. Там крапива, её не только люди остерегаются. Нечисти она тоже не по нутру. Такое вот растение себялюбивое – всеобщий враг.

Со стороны речки послышался всплеск. Кто-то словно большой ладонью по воде плёпнул – не сильно, играючи. Почудился женский смех. Они посмотрели в ту сторону.

– Русалка? – предположил Василич.

– Варей зовут, – не удивился вопросу Боб. – Деревенька здесь неподалёку, а в ней – жила-была красавица, девушка Варя. Парня её, – Сашу, «забрили» в Афган. Ждала его верно, письма писала. Потом пришла похоронка. Утопилась Варя с горя в этой речушке, в двенадцать лет, а вскоре Саша вернулся – израненный, изломанный. Его полуживого, сомлевшего от потери крови, с поля боя вывезли с бойцами другого батальона, а свои недосчитались, и написали – погиб, смертью храбрых. Вернулся, запил с горя и одиночества. Вечное наше лекарство. Спьяну и загибнул в какой-то драке бестолковой с местной шпаной.

В полнолуние она его зовёт от реки, а он между деревьев летает, молча, чёрной тенью, и никак им не соединиться. Местная легенда.

Люди рассказывали, что сюда жена одного нового русского приехала руки на себя наложить – у мужа бизнес загibasь начал, с детишками у них почему-то не получалось. От нелюбви – наверное, завёл он пассию на стороне. В общем – полный гербарий! А Варя вышла из речки – красивая, волосы по плечам, голубоватым сияют, ночь светлая, лунная. И уговорила ту женщину камень снять с шеи. Дала ей взамен маленький камешек – «куриный бог». С дырочкой, оберег такой. Стала та его носить на шее. И через какое-то время – развелась она с бизнесменом своим, снова замуж вышла – удачно, родила замечательного карапуза. Одним словом – уладилось всё к радости!

– По этой речке в семнадцатом веке дрова в Москву везли, – снова заговорил Боб, – а сейчас нет в ней нужды.

Люди рекой жили и у реки. Транспортная артерия. Новости передавались по реке. Сказки, песни, стихи – с рекой связаны. Древнее поверье: – нельзя пить, когда моешься, вода счастье унесёт! Плеваться нельзя в реке. Пойдёшь утром купаться – не забудь. Сон плохой? Омой руки, хоть под краном – «перешагни поток». А если ссорились он и она – шли к воде. Или наклонись над чашкой, поговори про любимого человека, чтобы вода всколыхнулась, потом подай выпить – про кого надумал. Простой «приворот». Только встань пораньше, не поленись, и напеччи нежные слова.

Теперь в городе народ. Речка может и усохнуть от ненужности, как грудь кормилицы перестаёт давать жизнь, когда ребёнок вырастает.

Сёла вокруг вымерли. Да и дрова – кому они в Москве нужны? Для шашлыка – купил на заправке пакет древесного угля, и хватит. Время всё меняет. Много виртуального, неживого. Холодного, от головы. И сказки компьютерные. Люди от чего кормятся, про то и сказки складывают.

– Древние утверждали, что время неизменно. Этакое желе, а мы – внутри промелькиваем малой искоркой. Жизнь человека – пылинка во времени, – сказал Василич.

– Время, – Боб задумался. – Вот смотри: – вокруг нас – мир. Полезные ископаемые, реки, моря, природа разнообразная. И время – лишь часть всего того, что нас окружает. Ведь это всё складывалось в какое-то время. И за какое-то время. Истину и золото измеряют крупицами. И кто-то открывает, в таком привычном для всех слове – время – что-то неведомое другим, промывает, как жилу золотоносную. Время – самое универсальное ископаемое. Оно – везде! Его больше, чем кремния в земной коре. Вот смотри, названия: бронзовый век, каменный. Век. Время – вначале, а уж потом – какое время! Веко – глаз прикрыл, как будто старт обозначил, открыл – новый отсчет обнулil. Всё – на «о». Самая древняя буква всех алфавитов. Или – крут замкнулся, как та же буква «о». А вот – кто-то подумал, что нолик прибавил – к доходам, поднялся в достатке на порядок. Счёт принесли – глянул, а их на самом-то деле – не хватает, и оказался этот нолик – шляпкой гвоздя в крышку домовины! Раз – это от слова «один». Купцам нужно много цифр, а людям хватит числа – «один», потому что дважды уже не бывает. Может быть только – раз.

– Почему про метро нет сказок? Тоже – река, только подземная, – спросил Василич. – Стишков, считалок – полно, а вот сказок нет!

– К реке вышел и любуйся, сказки сочиняй. В метро, в тоннель не всякого допустят и подписку ещё возьмут о неразглашении. Это же, прежде всего объект гражданской обороны. Вон я уже, сколько лет не в системе, а до сих пор чуть что – подписку давал?

Слухов вздорных много. Дескать, спецкоманды уничтожают по ночам царских стрельцов, которые заблудились в лабиринтах в давние века, и никак к людям не выберутся. Крысы размером с кролика, собаки фантастические.

.....

***

Костёр сильно дымил, три большие головешки крест-накрест горели плохо. Вставать и ворошить не хотелось: не холодно, а для декораций и так сойдёт.

Тревожно было как-то. Боб это заметил, засмеялся, взял со стола веточку укропа, протянул Василичу:

– Съешь! Нечисть – отваживает.

Тот машинально взял. Резковатый, терпкий вкус, волокнистый стебель застревает в зубах. Поддавал, пока везли в такую даль.

Боб между тем взял большой фонарь, ушёл в сторону поля, что за лесочком.

Вскоре вернулся, принёс несколько серебристых веточек: полынь!

«Трава окаинная». И другое её название вспомнили, ставшее зловещим после взрыва, – «чернобыль».

Боб протянул Василичу две веточки:

– Вот, если, Варя тебя спросит – что в руках: полынь или петрушка? – быстро отвечай: полынь! – Брось её под тын! – громко выкрикнет она и побежит мимо. И тут-то надо успеть бросить эту траву ей в глаза: русалка тебя не тронет. Если же ответишь: «Петрушка», – закричит она: «Ах, ты, моя душа!» – набросится и будет шекотать, пока не упадёшь бездыханный. И станешь вурдалаком, лешим, мужем русалочьим.

Василич посмотрел поверх костра. Впереди, по дальней кромке леса мелькнула чёрная тень. Она просторным пологом развевалась на лету и была похожа на солдатскую плащ-палатку.

Почудилось какое-то движение сбоку. Показалось, что от реки всколыхнулась бестелесно и тихо подплыла русалка Варя. А жених её вечный, Саня, тоскует, примостившись невесомо на ветке, и вот они друг перед другом, а встретиться – не получается. Было ли видение, или то усталость да рассказы голову заморочили? Взрослый разум Василича сопротивлялся. Какие – русалки? Бред!

Свежесть наполнила от реки. Сон пропал. Слух, зрение, мысль – всё работало чётко, ясно.

Из переднего кармана куртки Боба выглядывало серо-коричневое пёрышко, с едва заметными тёмными поперечинами полосок. Он перехватил взгляд Василича, взял перо в руки:

– Сова, её одёжка. Ночью охотится, а под утро возвращается к себе на болото. Перо обронит, и тот, кто его найдёт, – будет счастлив.

– Так просто?

– Знаешь, когда произойдёт что-то невероятное, потом удивляешься – как всё просто! Чудо, оно – из простой мелочи рождается, и его только в последнее мгновение заметишь, и удивишься – как это прежде не замечал? Будто шаг сделал в сторону от привычного, лупу взял в руки и разглядел подробно, до прожилок, волосков, как хоботок у бабочки, когда она нектар пьёт – счастье!

Вот есть мечта: ты её лелеешь, вынашиваешь трепетно – не дай бог примять краешек, какой от неловкости, пальцами грубыми цапнуть, приукрашиваешь ерундой всякой. И в один прекрасный момент надоедает вся эта возня! Махнёшь рукой, сперва расстроишься, что жизнь стала скучной, без искры, потом потихоньку забудешься. Даже досада иной раз посетит – вот, мол, взрослый, а повёлся на сказку!

И вот в этот самый момент – хлоп – свалилось на голову! Загудела голова, как пустой барабан! Ты уж и не чаял, а оно – вот так, не спросясь! И стоишь, улыбаешься дурнем и готов всем советы бесплатные раздавать – «Как дожидаться счастья!» Гляньте – это же так просто!

Боб помолчал, потом произнёс:

– Истинность чуда в благости, которая нисходит, если ты в это уверовал, а не в том, что ты это не можешь объяснить вот ЭТО – здесь и сейчас:

Боб вновь замолчал. Спрятался в бесконечные тоннели воспоминаний. Щёлкнул зажигалкой, блики заплесали по лицу, тёмные тени. Закурил, затянулся глубоко. Задумчивость была на лице вперемежку с мальчишеским выражением – почему?

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

* * *

вода и камень дерева трава кусково
вода и камень дельфины русалки крым
вода и камень готический почерк прага
вода и камень бетон и стекло нью-йорк

и все утекает родное в летейские воды
и все утекает зачем-то в летейские воды
а я старикашка по-прежнему на берегу
я только печалюсь и плачу
понять ничего не могу

Светлой памяти
Татьяны Бек

Алла Ивашинцева

Санкт-Петербург

*

Вода. Рождение жизни.

Амёбы, скучая, сбиваются в стаю.

Из тесных объятий с большою мечтой
явилось на берег зелёное существо

Ева как раз общения круг расширяла –
а тут существо, увлажняя, ласкалось.

Адам и на кошку был зол,
а это уж дьявола козни.

В традицию ввёл первый мужик:
камень на шею и в водный тупик.

Рыбы сестре своей жизни
не дали пропасть. Качается

чудо на пенных волнах.

Русалки, Сирены, Ундины и
прочие существа –

земное и водное держат в сердцах.

При свете луны чудные девы
песни поют, по волнам власы развевают,
грустно и томно глаза прикрывают.

Слёзы – древнейшая память воды.

Звёзды на небе, звёзды на дне –

печаль и надежда живущих во тьме.

Апрель 2017

Вот так живёшь у зелёной речки,
Зеленокосой от верб плакучих,
Где звёзды плещутся, как русалки,
Но ты не смеешь касаться звёзд,

Ты грядки полешь на огороде,
И дружишь с аистовым семейством,
Стихи у башни водонапорной,
Под их гнездовьем, читая вслух;

Вот так сльвёшь чудачком на свете,
Оставив в прошлом две трети неба,
И в уходящей весне не знаешь,
Своим прозрениям вопреки,

Что где-то – в Рейном омытом граде,
До нашей эры ещё возникшем,
Живёт земная твоя русалка,
С тоской смотрящая на восток.

Ах, эта маленькая русалка,
Русскоязычная в песнопеньях –
Зеленоглаза, русоволоса,
И танец солнышек на губах! –

Она, читающая восходы,
Тебя на выселках предзакатных
Зачем-то высмотрела из далей,
Тобой не вычитанных веков.

И ты немеешь от удивленья,
И ты чаруешься пенем чудным,
И шепчешь звёздам стихотворенья,
И крылья чувствуешь за спиной,

И мчишься к башне водонапорной
Заре навстречу станичным утром
Поведать аистам благородным
О неизбывной любви земной!

20.05.2016

Бахытжан Канапьянов

Алматы

*

Я – поэт,
Я развею свой прах!
Век недолгий
Русалка пророчит.
Но – как звезды в грядущие ночи,
Проступает соль жизни в стихах

*

В саду незримая певунья,
Русалка, шлейф от катерка...
Поэзия –
Моя колдунья –
Быть может мифом полнолуния,
Быть может притчей моряка.
Знать, образы тому виною
И беспредельность мысли той,
Что где-то выйдет стороною
И в небесах сверкнет звездой,
В глубинах – рыбкой золотой.

*

Свеча забьется на ветру.
Рыбак перебирает сети,
Чтобы поймать для нас к утру
Русалку, рыбку, шанс к добру –
Единственный тот шанс на свете.

РАПАНА

В Салониках, у шумного порта,
Где волнами обласканы камни,
Седой повстречался грек –
И рапаны показывал.
В рапанах музыка жила,
По чашам перламутровым разлита.
– Послушайте Марину, – грек сказал.
И я, закрыв глаза, все слушал, слушал.
Из тех глубин, что видеть не дано,
Музыка русалкой выходила.
Крики чаек, голоса дельфинов
Перемешал мифический прибой.
Ионийцам подпевал морской Эгей.
Я, очарован, слушал их мотивы.
Держав в руках банкноты, грек седой,
Не пряча глаз, благодарил улыбкой.

Дарьяна Лемтюжникова

Человек и Миф

игриво вибрирует Ночь на ладони у Моря
как кисть Модильяни танцует по профилю Жанны
и Жанна рождается снова отдельно от тела
на плоскости неба в пространстве безлюдном и звёздном

в пространстве уютном и сонном рождаются Волны
и вкус апельсина напоят Волнам о Беседах
в которых они разбивались о плоть иноверцев
не знающих запаха Солнца и жизни Парижа

прибрежная Ночь как Волна обточила реальность
где Жанна рождается музой и пишет картины
окном в мастерскую пейзажа становится Море
оно придаёт обстоятельствам новые формы

рекурсия прячется между своих отражений
в солёной воде уносящей обломки страданий
а Жанна уедет в Италию плакать словами
отыскивать память в ладонях у сонного Моря

Ян Пробштейн
Нью-Йорк

СИРЕНА

В моем мозгу поет сирена
и славит жизнь самозабвенно,
зовет меня:

«Вперед, отважный!»,
мурлыча нежно и протяжно,
зеленый глаз лукаво шуря,
зовет: «Смелее, будет буря,
с тобою вместе буду я!»
Какая буря – клочья пены,
пивная кружка бытия,
и плачет бедная сирена.

Дарьяна Лемтюжникова «Царевна Несмеяна».

Лидия Григорьева

ДООС – стреканка
Лондон

ЗЛАЯ ПАСТОРАЛЬ

И раскрутилась жесткая спираль
ночного неба над земною твердью.
И колдовская злая пастораль
поляны лунной – отливала медью.

По небу прокатился громобой.
Но кто-то чашу пригубил и выпил.
Звучали, как валторна и гобой,
и стон блаженства, и стеленье выпил.

А ночь цела. Стреляли вдалеке.
Звук был подобен соловьиной трели.
Настояны на лунном молоке,
благовухали заросли и мшлели.

И не одну влюбленную чету
переполняли жизненные соки.
Столкнулись самолеты на лету,
и полыхнуло в зарослях осоки.

Нетопыри ударили на уду.
Влюбленных изнурила платофаза.
И отразился в призрачном пруду
расколотый хрусталь –
хребет Кавказа.

А выстрелы гремели за версту,
чаща поглощала отголоски.
Ползли по перебитому хребту
награбленным груженные повозки.

Шел бой у призрачной полосы.
Русалки грелись в призрачной тине.
И беженцы бежали от грозы,
как дети на классической картине

Бой нарастал,
как грозовой прибой.
Гам шла не градобойная ли бойня?
Спроси, не отказался бы любой
жить с миром и тесней,
и полюбозней!

Но духовая громыкала медь.
И верховые ветры свирепели.
А третьи петухи не смели петь,
чтоб не спугнуть классической
свирели.

1991 год

Андрей Враний

ДООС – светозавр

Сирены vs Русалки

Они сидели рядом
взявшись за руки
молчали
радовались
каждой остановке
изредка поглядывая
друг на друга
хихикали
провожая глазами
людей
изучали одежду и обувь
улыбались

Мое имя 3758
прошептала одна
А мое: 3759
прошептала другая

не задерживайтесь, по возможности проходите вперед в середину салона

стандартный голос вывел меня из транса, а на экране смартфона замигал предупреждающий текст:

поскольку обе попытки ввести пароль были не верные, ваш аккаунт и счет заблокированы,
обратитесь в офис банка

неужели оба раза я ввел неверный пароль?

— никогда не доверяйте знакомому месту и незнакомому тексту

Марина Тарасова

РУСАЛКА

Баллада

АнтиЖуковский

...Он подошел к реке, бегущей косо
и замер на тропинке сам не свой,
и вдруг померкли сплюснутые косы
берез над волжскою водой.

Среди ветвей, как в голубом оконце,
она сидела в зарослях лесных,
и хвост чешуйчатый сверкал на солнце
как множество ячеек золотых.

– Наташа! – Сладкий ужас узнавания
ребячий мозг пронзил стальной стрелой, –
но ты утопла, распрощалась с нами...
Как ты сейчас сидишь передо мной?

– Иди ко мне! – позвал медовый голос,
как манит нас обманная судьба,
а он качался как неспелый колос
в тревожном ожидании серпа.

Он вспомнил, как ходил отец украдкой
в Наташин дом вечернею порой,
пока корпел над школьною тетрадкой,
и то, что было для него загадкой,
теперь ожило в женщине нагой.

Была совсем нестыдной и манящей
нагая грудь и на сосках цветы...
Когда легко забудешь день вчерашний
и будешь жить во имя красоты.

Алиса Клио

Санкт-Петербург

РУСАЛКА-БЕРЕГИНЯ

Прозрачная кожа...
нездешнее зыбкое тело...
подобная двум лепесткам,
грудь призывно белела...
И не было сил отвести очарованных глаз
и был откровенно сродни наведённый экстаз.

– У нас, русалок, нрав совсем особый,
мы полурыбы в сущности своей,
и кто хоть раз в подводном царстве побыл,
уже не может жить среди людей.

Алели губы и змеились косы
в ее шальном русалочьем огне.
В нем клокотали детские вопросы,
но он молчал как будто в полусне.

Потом раздался еле слышный всплеск
с глухим шипеньем гаснущей лучины,
и все потухло – желтый блик и блеск
в холщевом шелесте речной пучины.

Как он бежал! Не уставая, долго,
не обернувшись, не жалея ног...
Послевоенный пароход над Волгой
издал протяжный свой гудок.

Все! Добежал. На стенке репродуктор
охрип от славы трудовых побед,
прижился в доме, как кондуктор,
но никому не оторвал билет.

Он долго, долго спал, когда проснулся,
в холодном омуте утопло детство,
на утлой сцене завершилось действие,
шершавый занавес повис и сдулся.

Исчезло детство, улетело в фортку,
дни потекли водою из ведра,
с чугунным смыслом, но совсем без форса,
с утра до ночи, с ночи до утра.

Но что-то заставило крикнуть:
«Изыди! В день гнева
Тебя Запределье исторгло из тёмного чрева!»
И прочь от неё –
босиком по воде,
как святой,
Сминая болотные лотосы влажной пятой.

5 мая 2017

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж).

Виталий Кальпиди

Челябинск

И ПЛАВАЛА ОФЕЛИЯ
(желтая запись) 1998 г

Она всплывёт не раньше, чем всплывёт
немая сцена: «Спальня. Очень рано.
И в девушку несчастный принц суёт
не плоть, а семижилый сплав тумана».

И вот всплывает кверху животом,
который твёрд и в голубых прожилках,
и вот она всплывает, и потом
опять всплывает, будто заслужила

всплывать и плыть на месте. Вся она –
почти топляк (и ты не спорь со мною):
из-под воды на четверть не видна,
а со спины – разрушена водою.

Она лежит в реке руки ручья,
ей придаёт вокруг оси вращенье
лягушка, соскочившая с плеча,
в полёте отменив своё паденье,

тем паче, что волнистые круги,
не дожидаясь собственной причины,
в разрезе показавши смех воды,
уже бегут по глади самочинно.

О, невозможно мокрая страна,
где посреди, допустим, круговерти
куску мужчины женщина верна,
а девушка – его позорной смерти,

его спине и скрипу позвонков,
наклону вправо напряжённой шеи
и жуткому шипению зрачков,
когда они сужаются в мишени.

Откроем карты: девушка несла
беременность от юноши с рапирой,
а что в ручье зависла без весла –
так это ничего. Для ориентира

я подскажу: она травила плод
(Горацио ей зелье заварганил),
но цел остался выпуклый живот,
зато она увидела в дурмане,

что сын её, что дочь из-за угла
рожденья своего готовят бойню...
И девушка под влагу увела
себя и эту проклятую двойню.

(На жизнь похожи лук и сельдерей,
на смерть похожа даже чечевица...
Но кто нежнее глупости своей
и отличит пророка от провидца?)

Сплета из непристойных трав венцы,
она судьбы разбавила чернилами
водой ручья, и фразу: «Близнецы.
Глухая ночь. В руке отца – рапира», –

не смогут написать и произнести
ни тёмный Бэкон, ни муляж Шекспира...
Температуру ада – тридцать шесть
и шесть – она волною остудила.

В её – не скажем – жидких волосах
уже почти что высохла медуза...
Стоит вода в створённых глазах.
Торчит живот, изображая пузо

с воронкой недокрученной пупка,
чья малопривлекательная схема –
слепой фрагмент, что за уши слегка
притянут мной из мифа Полифема.

Как пористую льдину по весне,
толкну её ногой или ладонью
от берега, где сам стою в огне,
по локоть перемазанный любовью.

Скорей плыви и пачкай небосвод
отсутствием дыхания и зренья,
а мы лягушку пустим в оборот –
шлепок воды в конце стихотворенья.

И ПЛАВАЛА ОФЕЛИЯ (черная запись) 1998 г

Я должен объяснять фашизм воды?
И уговаривать, мол, то кипенье справа
изображает нам на все лады,
что Девушка под шумы лесосплава

вверх животом всплывает, что Она
оповестила собственной кончиной:
куску мужчины женщина верна,
а девушка – касанию с мужчиной?

И что спиною хлопая, плывёт
Она внутри неряшливой фактуры,
что нарисован выпуклым живот,
указывая: были шуры-муры

с печальным принцем? Тот печальный принц
совсем не грубо, а смешно и странно
пихал в Неё – я написал бы «шприц», –
но напишу – густой комок тумана,

который становился таковым
в момент непревзойдённого движенья,
где даже зренье делалось сухим,
шуршанием озвучив наслаждение.

И смерть Свою используя как жизнь,
не белая, а синяя с зелёным,
Она плывёт то ломкая, как жёсть,
то – с напроць отвалившимся шиньоном,

который появился наугад,
скорей, рифмуясь, а не проплывая,
но волосы внутри воды висят,
они – такие, и Она – такая.

Она была беременна и плод
травила пакостью, шпионом Фортинбраса,
Горацио сготовленной, и вот
Она плывёт не кролем и не брассом.

Ужели он Ей предсказал, что сын
(пока что хордовый и с жабрами) в утробе
Её почти дымящихся теснин
уже мечтает об отцовском гробе,

что маловероятное дитя
докажет точно Ей однажды ночью:
рапирой станет всякая змея,
когда в неё засунешь позвоночник?

(Пророк от предсказателя почти
неотличим по жестам, но стыдоба
пророчества, как истина, торчит,
как гоголевский нос торчал из гроба.

Пророчь любовь, хотя не будешь прав:
она – левее времени и зренья,
которое провидец, точно прах,
просеет сквозь сетчатку населенья.)

За что Она всплывает и плывёт
и опресняет водоём слезами,
за то, что в прошлом дочь свою убьёт
(не сына – дочь, но это – между нами)?

Зачем Она всплывает, если мы
ещё не утонули в этой каше,
зачем Её зрачки сохранены,
когда своими нам глядеть не страшно?

Когда вокруг отсутствует любовь,
присутствует пятнистое другое,
и в нашем теле происходит кровь,
хотя оно по замыслу святое

и мягкое, и узкое. И мы,
и наши тени, что лежат валетом,
превозмогая сырость красоты,
пускай по кромке, но – мерцают светом.

Мужчины искривляют голоса,
когда лежат на девушках и стонут,
затылки подставляя небесам,
но эту перхоть небеса не тронут.

А браки происходят в волосах...
Пока сия бессмыслища маячит,
мужчины просыпаются в слезах,
створоженных в паху, и быстро плачут.

Геометрически равны, не стану лгать,
все сорок тысяч братьев тем курьерам
(которых было тысяч тридцать пять?..)
Теперь, пренебрегая глазомером,

потрогай девушку, которая умрёт
так далеко, что ближе не бывает,
но пустота, надувшая живот
Её, Её заставит всплыть (всплывает

уже...). Я не хочу смотреть туда,
где плавает Она в балетной пачке,
где не кипит, а плавится вода,
себя плывущей Девушкой испачкав.

Татьяна Зоммер

ДООС – Зоммерзавр

продолжение Гамлета

запах пластика нимфомания
эфемерность мягкой конструкции манекена
зеленоватого
всплывших разных частей деструкция

среди лилий белых пластмассовых
среди кувшинок желтых и восковых
я искал подобие пластики
пластика тела линий твоих

но лицо твое мягкой конструкции
отвечало грудей деструкции
и я видел Офелию юную –
на могиле её нетронутой

среди кувшинок жёлтых и восковых
среди лилий белых пластмассовых
я увидел тебя Офелия
и влюбился в лицо зеленое

Александр Петрушкин

Кыштым

Офелия как черновик

Хрустящая Офелия над двойней
своей склонилась умереть, и хочет
не отражаться более в ребёнке
и в сумасшедшем, как мужчина. Впрочем,

есть у неё и поперечный выбор:
и вот уже сама бежит, не знает,
не то в грозу, которая с обрыва
сияет ей [как бы в начале мая],

не то в войну весь мир перелицует
и, мёртвых душ в лице не отыскав
воды, уже не бабочек фасует,
но для палаты в метров шесть [улав]

Хрустящая Офелия отступит
и [сквозь воронку] удаляя ночи
смотри теперь на этих ребятишек –
[один из них [раздвоенный] хохочет].

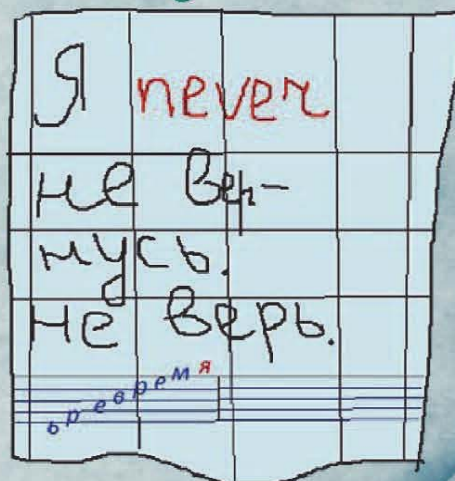
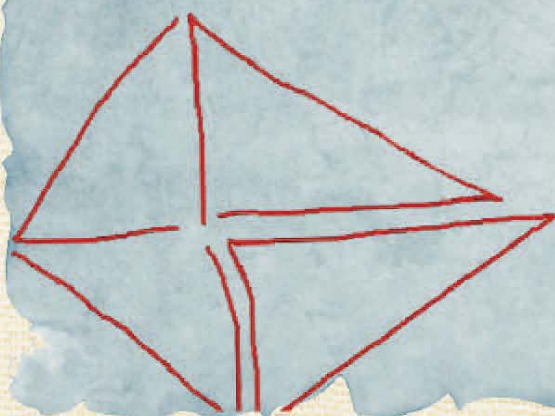

Хэ Суншань
Синьян
Красивая тень

Екатерина Деришева

Харьков

Аглая Соловьева

Киров

***

Напиши обо мне стихи, нанижи на нити
Из других таких же, как я, стихов сотки сети
Я в твоих сетях, как другие, как я. Но не заменить их.
От других, таких же, как я, у тебя есть дети
Зачеркни мое имя, получится анонимно,
Или никому или сразу всем – неважно.
Здесь никто не курит, почему так дымно?
Здесь никто не ревет и не пьет, почему так влажно?
Твое слово – камень – как часть пейзажа,
Твои слова говорят разными голосами.
Я русалка мне можно и без макияжа,
Без одежды тоже, я за волосами
Голубыми прячу свой хвост акулий
И глазами рыбьими смотрю сквозь кожу
У меня под чешуей полно горгулий
У тебя под кожей полно их тоже
Ты запасся мудростью разных мудрых
Не завидуй, не лги, не воруй, не пьянствуй
Но для всех одинаково раннее утро,
Если лег не в то время не в том пространстве
Ты себя отделил от других красотой тела
Ты себя отделил от других высотой мысли
Только морю в голосе нет предела,
Только слово в воде не несет никакого смысла.
И поэтому, выучив заповедь, ты достигнешь ада
Станешь выше себя, выше Бога и государя
Но в руках не удержишь случайного взгляда.
Повернусь спиной – и хвостом по воде ударю.

21.03.2012

Леся Тышковская

кандидат филологических наук,

ДООС – стрекозабочка

Париж

***

И жить, как Ундина. –
Забывать имена тех,
кто пил из моей реки,
радоваться новым именам.
В волосы вплетать поцелуи.
По щекам – ручейки
вместо слез.
Только ветер
может изменить лицо.

***

Мне снилась нежность на губах твоих,
преображенье утоленной жажды,
стихия, превратившаяся в стих,
подаренный Создателем однажды,

И раковины приоткрытых губ,
и вздох, и всплеск притихшего прибоя,
и рыбок разлетевшихся испуг,
и небо, заслонённое тобою.

И радость погруженья в сочный плод,
наполнивший сполна ладони жизни,
и ветра замирающий аккорд,
где звуки неустойчиво-капризны.

И солнечная вспышка в сердце – был,
меня, преображённой, но прибрежной,
оставив между помнить и забыть...
Но нежность на губах...

Но вкус надежды...

Анна Гедымин

* * *

Если утонет Русалка –
Будет ужасно жалко.

Взгляни, как плывет красиво –
Стройная, зеленоглазая...
А там, посреди залива –
Сплошная грязь непролазная:
Консервные банки, палки,
Коряги ощерились грозно...
Давай-ка метлу Русалке
Подарим, пока не поздно,
И будет ей горя мало...

Боюсь одного, не скрою:
Как бы она не стала
Злою ведьмой морскою.

Ирина Ежова

Челябинск

* * *

Хорошо Русалке в море
Во дворце янтарном жить
И с дельфином на просторе
В голубых волнах кружить,

И со львом морским без страха
Проплывать за кругом круг,
И морскую черепаху
Каждый день кормить из рук!

Только жалко мне Русалку! –
У неё одна беда:
Ей на суше со скакалкой
Не попрыгать никогда!

Татьяна Лапко

Великие Луки

Морская царевна
(ручная керамика).

Владимир Миодушевский

ЗАМОК ИЗ ПЕСКА

Вот лес, вот пляж, а вот река.
Мы лепим замок из песка.
Мы трудимся почти что час.
И замок вышел просто класс!

Пять башен в них – бойницы,
В них пушки – пригодится,
Вокруг высокая стена,
И тоже из песка она.

А у стены – глубокий ров,
Он неприступен и суров.
Нас похвалила мама:
«Как у Диснея прямо!»

Зовём мы с братом папу.
Он подошёл. Но шляпу
Сорвал вдруг с папы ветер.
Забыв про всё на свете,

За ней он прыгнул, что есть сил,
И тут же замок раздавил.
Но не нарочно, точно...
Песок такой непрочный!

Александр Карпенко

* * *

Черноглазые русалки
Поиграть решили в салки.
Но догнать одну другой
Ох, непросто под водой!
А ещё трудней русалке
В море прыгать на скакалке.
Потому они всегда
Дружат, не разлей вода.

Александр Князев
Санкт-Петербург

*

Нева двуххвостой русалкой
легла меж стройных берегов.

31.03.2017

*

Русалка повисла на ветке,
жертву свою поджидая.
Жертва, завидев русалку,
в озеро юркнула мигом
и погрузилась на дно,
где Водяной-миротворец
ведает водным покоем.

25.04.2017 г., 17:31

*

Пытаясь рыцаря пленить,
Русалка нервно хохотала, —
холодным сердцем не пробить
его закрытого забрала.

1.05.2017 г., 9: 45

*

На пляже русалки-милашки
намылили мылом кудряшки.
Ело мылом глаза,
их застила слеза.
Проморгали добычу милашки...

24.05.2017 г., 22:24.

Поэт от Музы укатился Колобком,
боясь быть съеденным
на завтрак иль на ужин.
Одна лишь мысль подстёгивала
мчаться кувырком,
что он кому-то ещё нужен.

1.05.2017 г., 12: 35

Сергей Мнацаканян

СТИХАРИКИ О РУСАЛАХ И РУСАЛКАХ

Один прохвост,
играя в салки,
писал про хвост
своей русалки!
Другой прохвост —
и неспроста! —
воспел русалку без хвоста!

Один русал,
играя в прятки,
впотьмах чесал
свои же пятки!
Совсем забыв
во цвете лет,
что у русалов
пятки нет!

В ночах русалы и русалки
на свет выходят из воды,
закутывая в полупалки
свои колючие хвосты.

С русалкой сложно заниматься сексом...
— А вы, ребята, голосуйте сердцем.

Алла Ивашинцова «Русалка»
(Санкт-Петербург) 2017 г.

Галина Мальцева

ДООС – стреказелла

Рената Андреева

Санкт-Петербург

***

У реки, у заводи дальней,
мы, русалки, водим печальный
хоровод.
Березняк трепещет листьями,
и сияет звёздно над нами
небосвод.

Неужели, мой друг сердечный,
ты оставил меня навечно,
не любя?
Нет, я верю: дождусь ответа,
где же ты, мой любимый, где ты?
Жду тебя!

Вот я вижу костра мерцанье,
задыхаюсь от осознанья:
это ты!
Твою жизнь я наполню смехом,
и в душе отзовутся эхом
все мечты

Вера Суханова

Смоленск

Город русалок

Это не город, а водоём,
И у дождей в плену
Люди, как рыбы, плавают в нём
Или идут ко дну.

Кровью холодной из синих жил
Северных стылых рек
Город накрыло, и всех, кто жил
В нём. И строил Ковчег.

Серое небо над головой
Сеет унылый свет.
Твари по паре спасает Ной,
Ну, а непарных – нет.

Город русалок шерит зубы
Старых дворцов, домов.
Всеяк одинок – и в воду концы,
Сгинул – и был таков.

Люк Ковчеха задраен давно.
Дождик снаружи сник.
Слышно только: скребётся о дно
Острый рыбий плавник.

Я теперь навсегда с тобою.
Нас накрыло нежной водою
с головой.
Будем счастливы мы, красивый!
Только ты такой молчаливый...
Неживой.

Заклубились уже туманы,
И прошли ночные обманы
Словно сон.
И уже на исходе ночи
Я смотрю в неживые очи:
нет, не он!

Мне забыть бы сердечную рану!
Обовью себе плечи туманом.
Вот луна
на воде разлетелась в осколки.
Хмуро смотрят угрюмые ёлки.
Тишина...

ПОДВОДНЫЙ ГОРОД

В аквариумах уличных витрин
Под облаками белоснежных льдин
Ты плаваешь, как правило, один.

Подводный мир проспектов, площадей
Отмечен плавниками стерлядей
И странным двоедушием людей.

Вся фауна цветиста, как молва.
Повсюду трепыхается плотва
И грустная подводная трава.

Теряясь в экзотических вещах,
Обалдеваешь, куришь натошак,
Прибоем кровь пульсирует в ушах.

И, стало быть, как Армстронг на Луне,
Впол-тяжести обходишься вполне.
Бредешь, как бредишь, в ярком полусне.

Слова, как пузыри, слетают с губ.
Возносятся превыше башен, труб
И телевышек. Так всплывает труп.

Пространство замкнуто. Здесь недоступен шторм.
Здесь есть места, где продают поп-корн
И прочий возбуждающий прикорм.

И можно, в общем, нагулять жирок,
Пока ты при деньгах и одинок,
Не клюнул на крючок и не продрог.

Обилие искусственных вещей
Иллюзию закрытости вообще
Плодит в умах, трепещущих вотще.

И устрицам, зарывшимся в песок,
Похоже, невдомек, чтоб кто-то смог
Хотя б во сне покинуть сей мирок.

Под вечер здесь, сверкая чешуей,
Русалки стайками и по одной
Плывут на нерест вверх по мостовой.

Топыря угрожающе клыки,
Их лапают подводные жуки.
Головогруды, спины их крепки.

У дна мальки шныряют на мели.
Клюют на сигареты и рубли.
Чуть что – под камни, чтоб не замели.

Здрав носы, канают осетры.
Мурены выползают из дыры.
В очках они особенно добры.

И, плоскоморда, рыба камбала,
Чья крейсерская скорость – два узла,
Сигналит, проплывая: «Как дела?»

Все связано посредством плотных волн.
Чихнешь – вдали медуз качнется сонм.
Не забывайся, дум великих полн.

Безвольно ослабляя тургор икр,
Старайся попадать в несложный ритм
Неслышимых, но наблюдаемых рифм,

Как-то: на светофорах желтый свет,
Монеты на асфальте – спешки след,
И голубей изысканный балет.

Ступая плавно, силясь избежать
Движений резких. Подвигов свершать
Здесь ни к чему, но будет, чем дышать.

К тому же бултыхание по дну
И так рождает мутную волну
Снаружи, а внутри тебя – вину.

Держись вещей, пустивших корни в дно:
Домов, деревьев, статуй – все равно.
Когда опасно – уходи в кино.

Соображая выпить, будь готов
Учиться, уходя от чужаков,
Искусству отсекания хвостов.

Молясь, закрой глаза, чтобы никто
Не понял, что ты ведаешь про то,
Что жизнь короче, чем твое пальто.

И верь, что время, поболтав в садке,
Тебя однажды вынесет к реке
С заснеженной розой в кулаке.

Томас Лавелл Беддоуз

(1803-1849)

Англия

Песнь стигийских наяд

*Как вы думаете, что пели
русалки Стикса,
Когда я смотрел, как они
плескались вчера?*

I

Рвет цветы пусть Прозерпина,
От росы ли, слез влажны,
В краске гнева иль бледны, —
Разве в этом мы повинны?
Был бы пылким царь Плутон,
Под крылом нетопыря
По ночам домой бы он
Дев земных водил, горя.
Ветер, разве не видали
Мы с тобой среди цветов
Или Стикса тростников
Тех, кто плыли и летали?

Заглянул,

В час, когда на сеновале
Фурии тигрят качали,
Мух властитель, Вельзевул,
Он Амур и бог Любви,
Для стыдливых — просто «Фи».

II

Прозерпина пусть ярится, —
Мы целуемся с тобой,
Плещемся в воде речной,
Наша клетка — не темница,
То, что может зверь иль змей,
И в мечтах не снилось ей,
Если же Плутон опять
Ей захочет обладать,
Пусть откроет в песне срам.
Что ж попало в сети к нам?
Мысль поэта лишь легка,
В Стиксе среди тростника.

Заглянул,

В час, когда на сеновале
Фурии тигрят качали,
Мух властитель, Вельзевул,
Он Амур и бог Любви,
Для стыдливых — просто «Фи».

Сергей Хориков

«Нерей»

(мрамор).

Уильям Батлер Йейтс

(1865 – 1939)

Ирландия

Классика ПО-нашему

Строки, написанные в унынии

Когда в последний раз смотрел
В зрачки зелёных круглых глаз,
На бег волнообразно-гибких тел
Тёмных леопардов лунных;
Когда в последний раз
Я видел ведьм, сих дам почтенных, —
Ни мётл, ни слёз, их ярых слёз,
А на холмах кентавров нет священных.
Остался мне лишь солнца горький свет.
Удалилась мать-луна, изгнана она от нас,
И вот, ступив на грань пятидесяти лет,
Терпеть я должен солнца робкий свет.

1917

Иоганнес Боровский

(1917-1965)

Германия

ДРИАДА

Свежесть березы
от соков, дыханье
в ладонях моих, и упругость
коры, мягкость сосуда,
но в глубине узнается
порыв, стремленье
ствола
становиться ветвями.

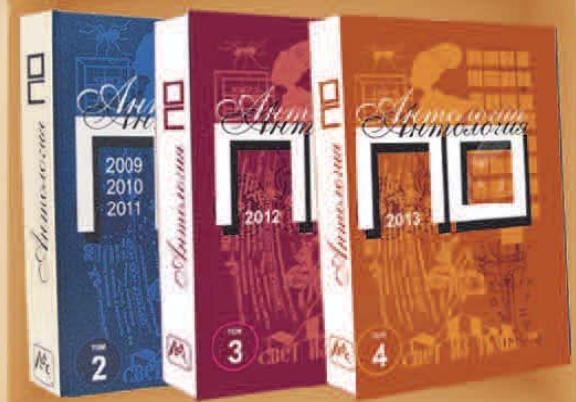
Откинь,
за спину откинь
пряди свои, слышу я
руками моими, и слышу
сквозь свежесть,
дуновенье слышу,
слышу ропот истока,
подступает прилив,
и дурманит
гомон звонкий меня.

Разговорил
дриаду по-русски
Вячеслав Куприянов

В мифологии
Древней Греции
отец неренд,
добрый, мудрый,
справедливый старец,
общающейся морякам
счастливое плавание.

«Русалка плыла по реке голубой...» М.Ю. Лермонтов

Журнал ПОэтов ДООС
№ 4 (75) 2017 «Девы вод»

Учредитель и издатель
ООО ДООС
Гендиректор Маргарита Аль

Главный редактор –
доктор философских наук Константин Кедров
Зам. гл. редактора – Маргарита Аль
(+7(926)524-56-62)

Редакционный совет:

Е.Кащоба – ответ. секретарь, арт-директор;
С.Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;
А.Бубнов, доктор филологических наук (Курск), поэт;
В.Вестстейн, профессор (Нидерланды);
А.Городницкий, доктор геолого-минералогических наук,
поэт, бард (Москва);
Э.Гусейнов, кандидат исторических наук (Москва);
А.Кудрявицкий, кандидат медицинских наук, поэт,
прозаик, переводчик (Ирландия);
В. Нарбикова, прозаик (Москва);
А.Такеда, профессор (Япония), поэт.

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС
(Добровольное общество охраны стрекоз) при участии
Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной
общественной организации «Центр современного
искусства».

Логотип – Андрей Врядий
Макет – Елена Кащоба.
Верстка – Николай Лазарев.

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре РФ
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-63353
Отпечатано в типографии
Номер подписан в печать 20 июля 2017 г.
Тираж 500 экз.

Адрес в интернете:
<http://litlife.club/UserBooks/?UserId=191742>
E-mail: jurnalpoet@mail.ru

© издательство ДООС
© редакция Журнала Поэтов ДООС

ISSN 2414-2425

**Книги издательства ДООС можно купить
в книжном магазине "Фаланстер"**

Галерея авторов ПО

Слева направо – 1 ряд: Кира Сапгир (Париж), Хадаа Сендоо (Улан-Батор), Арон Гаал (Будапешт);
2 ряд – Акифуми Такеда (Тояма), Галина Свинцова и Полина Ольденбург с Константином Кедровым, Эдуард Трескин;
3 ряд – Ия Кива (Донецк/Киев), Александр Вепрёв (Сочи), Андрей Дмитриев (Бор).

9 772414 242512

TEC-IT.COM

